Архив. Ключи от всех дверей

Автор:
Виктория Шваб

Архив. Ключи от всех дверей

Виктория Шваб

#YoungFantasyАрхив #2

Представьте себе библиотеку, где вместо книг на полках лежат мертвецы. У каждого из них своя особая история, которую под силу прочесть только Библиотекарям. Поэтому они называют мертвых Историями, а место, где хранятся Истории, – Архивом.

Маккензи Бишоп – Хранитель Архива, она спасает мир от вторжения бесприютных призраков – пробудившихся Историй. Но однажды ей пришлось спасать сам Архив, когда кто-то начал переписывать Истории, подчас стирая целые жизни…

Теперь для того, чтобы вернуться к нормальной жизни, ей придется до конца разобраться в том, что произошло. Найти тех, кто стоял за совершенным преступлением. И спасти не только свой разум, но и саму жизнь.

Виктория Шваб

Архив. Ключи от всех дверей

Victoria Schwab

The Unbound

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Text copyright © 2014 by Victoria Schwab

© Е. Шолохова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

***

«Эта книга о доверии, о дружбе, о взаимопомощи и, самое главное, как жить дальше, когда твоя душа кровоточит, как сохранить воспоминания об ушедших, как доверять, когда тебя предали, как справляться с эмоциями».

LiveLib.ru

***

Я могу в двух словах рассказать все,

что узнал о жизни: она продолжается.

Роберт Фрост

Глава первая

Спать хотелось невыносимо. Я сидела на крыше Коронадо, примостившись на обломанном плече горгульи, и изнемогала от желания спрыгнуть со своего насеста, вернуться в здание, спуститься по лестнице на третий этаж,

прокрасться по темной квартире и, наконец, лечь в постель.

Но я не могла. Потому что всякий раз, стоит мне уснуть, я вижу сны. И в каждом сне является Оуэн. Его серебристые волосы, холодные глаза, длинные пальцы, небрежно вертящие нож. Мне снится, как он проводит зазубренным лезвием по моей коже, приговаривая, что где-то там внутри, под плотью, прячется «истинная» Маккензи Бишоп.

«Я найду тебя, М., – шепчет он, делая надрез. – Я тебя освобожу.»

Иногда он убивает меня быстро, а порой пытка затягивается. Так или иначе, каждую ночь я вскакиваю в темноте, крепко обхватив себя руками. Сердце едва не выпрыгивает из груди, пока я судорожно проверяю, нет ли на коже свежих порезов. Их, конечно же, нет. Потому что Оуэна не существует. Больше не существует.

Прошло уже три недели. И хотя сейчас, под покровом ночи, слишком темно, чтобы различить на крыше хоть что-нибудь, кроме силуэтов каменных изваяний, я до сих пор невольно поглядываю туда, где все и произошло. Точнее, где все закончилось.

«Не беги, остановись, мисс Бишоп. Бежать больше некуда.»

Воспоминания до сих пор такие живые и яркие: Уэсли истекает кровью на другом краю крыши. Оуэн предлагает выбор, но это вовсе не выбор, потому что его нож впился мне между лопаток.

«Необязательно заканчивать все вот так.»

Он произнес всего несколько слов, но этого времени мне хватило, чтобы за его спиной повернуть в воздухе ключ, сделать дверь в никуда, дыру из Внешнего мира в бездну, и втолкнуть его туда.

Но вот я поймала взглядом то, что увидеть невозможно – отметину. Сейчас это просто царапина, едва заметная зыбь в воздухе – все, что осталось от двери в бездну. И хотя ее почти не видно, я точно знаю, где она: темное пятно, которого здесь быть не должно. Своей противоестественностью оно притягивает взгляд и

одновременно отталкивает.

Дверь в никуда, в бездну – нечто губительное и не поддающееся осмыслению.

Я пыталась вернуться в тот день, прочесть, что случилось по статуям, венчающим крышу Коронадо, но все воспоминания были уничтожены. Бездна, приоткрывшись на миг, поглотила самые важные в моей жизни минуты, оставив лишь белый шум, точно на засвеченной пленке.

Впрочем, мне не нужно читать образы, запечатленные на каменных изваяниях: я и так все помню. У статуи в дальнем конце крыши откололся камешек, и я спрыгнула с плеча горгульи, едва не потеряв равновесие. На меня накатила дрема, голова отяжелела, сознание затуманилось, и я спрыгнула – не хватало еще свалиться и свернуть себе шею. Первые проблески рассвета тронули небо, и я напряглась. Я совершенно не готова к этому дню. И вовсе не потому, что не спала. Я не готова к новой школьной форме, которая висела сейчас на стуле в моей комнате. Не готова к новой маске, которую придется нацепить вместе с этой формой. Не готова к кампусу, где наверняка шум, гам и столпотворение. Не готова к Гайд Скул. Но солнце упрямо ползло вверх.

Чуть поодаль возвышалась статуя горгульи, к каменному телу которой я примотала скотчем старые подушки. Их я стащила из шкафа, стоявшего в вестибюле Коронадо. Ну а скотчем разжилась в кофейне, свистнув моток из выдвижного ящика. Конечно, не бог весть какая замена боксерской груше, но все же лучше, чем ничего. И если уж спать я не могу, то можно неплохо потренироваться.

Утренний свет озарил небо, разливаясь по крыше Коронадо. Осторожно снимая туго намотанные боксерские бинты, я сморщилась, почувствовав, как кровь прилила к онемевшему правому запястью. Еще одно напоминание о том дне.

Оуэн стискивает мое запястье, и нож со звоном падает на пол.

Поврежденная кость наверняка зажила бы скорее, если б я часами напролет не колотила импровизированную грушу, но боль странным образом помогала мне не сорваться.

Я почти расправилась с бинтами, когда уловила знакомое царапание по бумаге. Я вытащила листок из кармана и в бледном свете занимающегося дня различила имя: Элли Рейнольдс, 11 лет.

Я провела пальцем по буквам, будто хотела нащупать бороздки, оставленные пером, но с сообщениями из Архива ничего подобного не бывает. Когда кто-то делает запись в архивном фолианте, она тотчас появляется на моем листке. А как только я нахожу Историю, буквы исчезают, не оставляя и следа. Меня даже посещала мысль вести список людей, которых я нашла и вернула, но мой дед сказал бы, что в этом нет никакого смысла. «Если долго смотреть на что-нибудь, – говорил он, – то волей-неволей начинаешь задумываться. И к чему эти раздумья приводят? Ни к чему хорошему».

Я направилась к заржавленной двери. Поиски Элли Рейнольдс помогут скоротать время, пока не настанет утро и не начнет пробуждаться город. Знай мои родители, что полночи я мечусь в кошмарах, а оставшиеся ночные часы провожу на крыше, они немедля отправили бы меня к психиатру. А уж если бы я им рассказала, что последние четыре с половиной года выслеживаю и возвращаю Истории мертвых людей, как пить дать меня бы уже закрыли в психушке.

Я спустилась на четыре пролета. Кругом стояла полнейшая тишина, отчего звук шагов по каменным ступеням казался особенно резким. На третьем этаже я свернула с лестницы в холл, оклеенный видавшими виды желтыми обоями и украшенный пыльными хрустальными светильниками. Квартира 3F находилась в дальнем конце. Меня так и тянуло пойти домой и лечь спать, но рисковать не хотелось. Я остановилась посреди холла сразу за шахтой лифта. Там, в промежутке между старым зеркалом и картиной с морским пейзажем, виднелась крохотная трещинка, будто легкая рябь на обоях. Ее и не увидишь, если тебе не положено этого видеть – кстати, вот верный способ определить, относится что-то к Внешнему миру или нет. Как и там, на крыше, она притягивала и одновременно отталкивала взгляд. Но разница в том, что здесь, стоит мне стянуть с пальца серебряное кольцо, смутная настороженность исчезает, а в середине трещинки отчетливо проступает замочная скважина. Это дверь, ведущая в Коридоры.

На миг засомневавшись, я коснулась пальцами темного пятнышка. Прежде грань, разделяющая миры, казалась мне надежной и непроницаемой, точно возведенная из камня стена. Но теперь она как будто истончилась. Секреты, ложь, кошмары, проникая, неумолимо подтачивают ее.

«Никогда не позволяй своим мирам соприкоснуться, – предупреждал дед. – Следи, чтобы грань между ними оставалась крепкой и четкой».

Но сейчас творилось черт те что. Мои страхи прокрались вслед за мной в Коридоры, а ночные кошмары, напротив, просочились во Внешний мир. Я сняла с шеи кожаный шнурок, на котором носила ключ. Свет хрустальных бра заиграл на нем бликами. Это не тот ключ, что был у меня, а еще раньше – у деда, и я впервые открывала им дверь в Коридоры. Помню, получив его, я испытала горечь от того, что потерю так легко заменили. Словно они одинаковые.

Я взвесила ключ на ладони. Он совсем новый и гораздо светлее предыдущего. Однако это не просто кусок металла. Он словно предостережение о том, что можно лишиться всего: и ключей, и свободы, и памяти, и жизни. Вообще-то я не особенно нуждалась в предостережениях. Допрос Агаты накрепко врезался мне в память. Да и прошло всего несколько дней. Когда меня вызвали на допрос, синяки уже пожелтели, но запястье еще болело. Агата, сидя в кресле, доброжелательно улыбалась, я же пыталась скрыть, как сильно у меня тряслись руки. Мой ключ она забрала, а из Архива без него не выбраться. Проблема, как объяснила Агата, заключалась в том, что я заглянула за кулисы и увидела, как устроена система. Поэтому встал вопрос, позволят ли мне это помнить? Или Архиву следует стереть все, что я узнала об изнанке его работы, а заодно и последние события? Оставить в моей памяти уйму пробелов и снять с меня бремя пережитого?

«Будь у меня выбор, – сказала я, – я бы предпочла научиться жить с тем, что мне известно». «Будем надеяться, ты приняла верное решение, – ответила она, вложив в мою ладонь новый ключ и заставив сомкнуть пальцы. Затем добавила: – Будем надеяться, что и мое решение было верным».

Я вставила ключ Агаты в замочную скважину. Тотчас от нее по желтым обоям побежали тени, впитываясь в стену, словно чернила, и затем проступили контуры двери, очерченные светом. Я пыталась повернуть ключ, но задрожала рука. Мне пришлось стиснуть пальцы так, что металл впился в кожу. Вспышка боли помогла сбросить наваждение. Я распахнула дверь и шагнула в Коридоры.

Затворив за собой дверь, я затаила дыхание – так делают дети, когда идут мимо кладбища. Обычное суеверие, наивная вера, что несчастья минуют тебя, если ты их не вдохнешь. Замерев, я стояла в темноте, пока не успокоилась, осознав, что

Оуэна в Коридорах нет, что здесь лишь я и Элли Рейнольдс.

Вернуть ее оказалось легче, чем найти. Проще отследить те Истории, которые убегают, потому что на каждом шагу они оставляют за собой воспоминания, будто тени. Но Элли никуда не бежала, она сидела, забившись в угол, у самой границы моей территории. Когда я ее нашла, она не стала сопротивляться и сразу пошла со мной, к моему великому облегчению. Потому что от усталости у меня буквально слипались глаза и подкашивались ноги так, что даже пришлось опираться о сырые стены.

Зевая, я добрела до двери с начертанной мелом пометкой «1» и вернулась во Внешний мир. К счастью, в холле третьего этажа стояла все та же сонная тишина. В Коридорах, где часы не работают, очень легко потерять ход времени, а сегодня как раз такой день, когда мне никак нельзя опаздывать.

Солнечный свет щедро струился в окна квартиры. Я притворила за собой дверь и пересекла гостиную. Гудение кофеварки и тихое бормотание телевизора заглушили звук шагов. Я взглянула на экран: среда, 6:15 утра. Диктор рассказывал о пробках, перешел к спортивным новостям, а затем, перевернув страницу, сообщил: «Далее: последние сведения о шокирующем исчезновении человека. На месте происшествия полный разгром. Что это – взлом, похищение или что-то гораздо худшее?».

Диктор говорил слишком эмоционально, но мое внимание привлекли не его слова, а кадр, застывший фоном за его спиной. Я подалась к телевизору, но из родительской спальни послышались шаги. Я спохватилась, что стою посреди квартиры в черном обтягивающем костюме Хранителя, а на часах всего шесть утра.

Прошмыгнув в ванную, я включила душ. Горячие тугие струи принесли блаженство, расслабив напряженные мышцы и уняв боль. Шум воды, монотонный и успокаивающий, наполнил комнату. Я сомкнула веки и… покачнувшись, едва не упала на облицованную плиткой стену, но в последний миг успела выставить вперед руки. Незажившее запястье пронзила боль. Я негромко чертыхнулась и пустила холодную воду. Ледяной душ, обжигавший кожу, казался сущей пыткой, но зато сон как рукой сняло. Завернувшись в полотенце, я выскочила из душа и поспешила в свою комнату, зажав под мышкой костюм Хранителя. Но тут дверь родительской спальни распахнулась, и на пороге появился папа с кружкой кофе в руке. Выглядел он так, будто

совершенно не выспался и переборщил с кофеином. Впрочем, теперь он всегда так выглядел.

– Доброе утро, – пробормотала я.

– Сегодня важный день, дорогая. Ты готова? – спросил он и поцеловал меня в лоб, окатив своим шумом, сотканным, как и у любого живого человека, из мыслей и воспоминаний. Кольцо Хранителя на моем пальце заслоняет образы, поэтому я слышу лишь звуки.

– Не уверена, – сказала я. Меня так и подмывало заметить, что мне не оставили выбора. Но я сдержалась и выслушала его напутствия и заверения, что я справлюсь. Мне даже удалось улыбнуться и, пожав плечами, непринужденно бросить: – Да, конечно.

И я сбежала к себе в комнату, где на стуле, ожидая своего часа, висела новая школьная форма. Холодный душ, может, и помог взбодриться, но к школе я все равно не готова. Смахивая капли, стекающие с мокрых волос прямо в глаза, я оглядела форму: черная хлопковая рубашка-поло с длинными рукавами и серебристым кантом на плечах; на нагрудном кармане – герб школы; юбка в черную, зеленую, серебристую и золотую клетку. Цвета Гайд Скул. На картинке в рекламном проспекте юноши и девушки сидят с книжками под сенью вековых дубов; с одной стороны видна кованая ограда, с другой – поросшие мхом стены старого здания. Эдакая обитель невинности и благолепия.

Я взяла телефон, который как раз полностью зарядился, и отправила Уэсли сообщение:

Маккензи: Я не готова к школе.

Уэсли сохранил в моем телефоне свой номер под именем: «Уэсли Айерс, соучастник преступления». Прошло уже больше недели с тех пор, как он уехал. Сразу после свадьбы отца Уэсли вместе с молодоженами отправился на медовый месяц «скреплять семейные узы». Но судя по тому, как часто он писал мне, он вовсю отлынивал от «скрепления семейных уз». Вскоре от него пришел ответ.

Уэс: Ты – Хранитель. В свободное время ты выслеживаешь Истории. Я более чем уверен, что и частная школа тебе по плечу.

Я мысленно представила, как Уэсли, закинув руки за голову, говорит мне эти слова. Словно воочию увидела теплые карие глаза, подведенные черным, изогнутую бровь, и невольно улыбнулась, но тут же закусила губу. Пока я размышляла, что бы такого умного написать ему, от него снова пришло сообщение:

Уэс: Что на тебе надето?

Я зарделась, хоть и знала, что он просто поддразнивает меня – Уэсли еще до отъезда видел мою школьную форму. Однако невольно вспомнилось то, что случилось в саду на прошлой неделе, в день свадьбы мистера Айерса: улыбка Уэсли, прикосновение его губ, волна уже знакомого шума – оглушительный грохот ударных и бас-гитар. Но в тот момент я нашла в себе силы отказать ему. Я поняла, что причинила Уэсли боль, хоть он не подал виду. Другие, пожалуй, ничего бы не заметили, но я видела это по его лицу и осанке, когда он отстранился. Он сказал, что все чудесно, просто замечательно. Мне бы хотелось ему верить, но я не верила.

Потому я и застыла над телефоном, пытаясь придумать ответ, вместо того чтобы скинуть полотенце и наконец одеться. В глубине квартиры хлопнула входная дверь, а секундой позже мама позвала меня запыхавшимся голосом и постучала в мою комнату. Отшвырнув телефон, я крикнула:

– Я одеваюсь.

Видимо, мама почему-то решила, что это приглашение войти и приоткрыла дверь, но я тут же ее захлопнула.

– Маккензи, – бросила мама с раздражением, – я просто хочу посмотреть, как на тебе сидит форма.

– Посмотришь, – отрезала я, – когда я ее надену.

Она притихла, но я знала, что она все еще стоит в коридоре. Я натянула через голову поло и застегнула юбку.

– Разве ты не должна быть в кафе? – спросила я. – Тебе не нужно готовиться к открытию?

– Не хочу пропустить, как ты пойдешь в школу, – ответила она из-за двери. – Это ведь твой первый день…

У нее дрогнул голос, она замолчала, а я громко вздохнула. Поняв намек, она удалилась. Ее шаги стихли в конце коридора. Когда я наконец вышла, мама сидела за кухонным столом. На ней был фартук с логотипом кофейни Бишопов. Ожидая меня, она листала брошюрку Гайд Скул, в которой, помимо прочего, перечислялось, что делать можно, а чего нельзя. К примеру, поощрялись вежливость, хорошие манеры, деятельность на благо школы, а возбранялись яркий макияж, пирсинг, неестественное окрашивание волос, галдеж. Да-да, в брошюрке так и было написано – галдеж. Я отметила те места, которые, на мой взгляд, позабавили бы Линдси. Неважно, что она в часе езды от нас, это не помешает ей повеселиться над моими перспективами.

– Ну? – спросила я маму и медленно повернулась, показывая себя со всех сторон. – Что думаешь?

Она посмотрела и улыбнулась, но ее глаза заблестели. Я почувствовала, что мы невольно затронули ту тему, о которой изо всех сил я старалась не думать. Внутри у меня все сжалось. Но по маминому лицу я видела, как отчаянно в ней борются упрямый оптимизм и глухая тоска, и не могла удержаться от мыслей о Бене.

Мой младший брат погиб в прошлом году по пути в школу, всего за две недели до начала летних каникул. Тот день, когда я пошла прошлой осенью в школу, а Бен – нет, навсегда останется одним из самых страшных для нашей семьи. Это как смертельная кровоточащая рана, только во сто крат больнее.

Поэтому уловив в маминых глазах напряжение, я с некоторым облегчением подумала, что прошел уже год, хотя этого, конечно, мало. Я позволила ей пробежаться пальцами по серебристой нашивке на плече, заставив себя не дрогнуть под накатившей волной скрежещущих звуков ее шума.

– Тебе лучше вернуться в кафе, – стиснув зубы, сказала я. Мама убрала руку – она подумала, я раздражена, хотя это было не так. Тем не менее ей удалось улыбнуться.

– Уже готова?

– Почти, – ответила я.

Но мама не торопилась уходить, и я догадалась почему – она хотела проводить меня. Возражать я не стала. Не такой сегодня день. Я быстро проверила, все ли взяла: сумка, кошелек, солнцезащитные очки – все, что необходимо в привычной жизни. Затем проверила то, что требовалось мне как Хранителю: кольцо на пальце, ключ на шее, список в… списка не оказалось. Я вернулась в комнату и нашла Архивный листок в кармане штанов. Заодно прихватила и телефон, который бросила на кровать. Листок, сейчас абсолютно чистый, я сунула в нагрудный карман рубашки. Затем быстро ответила Уэсу.

Уэс: Что на тебе надето?

Мак: Боевые доспехи.

Бросила телефон в сумку и вместе с мамой вышла из дома. По пути она дала мне целую кучу наставлений: как себя вести, как общаться с другими и, главное, как остаться целой и невредимой. Мы спустились по мраморной лестнице в вестибюль, она попросила меня улыбнуться и поцеловала на прощание в щеку. Легкий поцелуй отозвался звоном и дребезгом, будто в моей голове разбили тарелку. Затем какой-то старик окликнул маму с другого конца вестибюля, спрашивая, открыто ли кафе. Я посмотрела ей вслед, наблюдая, как она уводит его в кофейню Бишопов, жизнерадостно щебеча, как утренняя пташка.

Через крутящуюся дверь я вышла на улицу и направилась к велосипедной стойке, к которой был прицеплен всего один велосипед. Блестящую металлическую раму слегка портила – хотя Уэсли сказал бы, что наоборот украшала – полоска скотча, на которой маркером было написано слово «Данте». Понимая, что о собственной машине даже заикаться не стоит, поскольку все наши сбережения ушли на обустройство кофейни, я попросила у родителей велосипед. Моя просьба их удивила – они-то наверняка решили, что я вполне смогу добираться и на автобусе. Общественном, естественно, а не школьном, ведь Гайд Скул вряд ли потерпит, чтобы его имя красовалось на боку одного из этих чудовищных желтых громадин, да и студенты там разъезжали на всяких «Лексусах», а то и на чем-нибудь покруче. Но лично для меня автобусы – это тесные ящики, битком набитые людьми, источающими шум при малейшем прикосновении. От одной мысли я содрогнулась.

Я вытащила из сумки тренировочные штаны, натянула их под юбку, открыла замок и отцепила «Данте» от стойки. Ветер трепал навес над кофейней Бишопов. С крыши Коронадо смотрели вниз каменные горгульи, наблюдая, как я, перекинув ногу через раму, оттолкнулась от тротуара. Я почти доехала до угла здания, когда кое-что привлекло мое внимание. Вернее, кое-кто. Я остановилась и оглянулась. Мужчина лет тридцати с небольшим, загорелый, с золотистыми волосами, стоял на тротуаре напротив Коронадо и делал вид, что заинтересованно разглядывает старый отель. Он щурился от солнца и прикрывал ладонью глаза. Но могу поклясться, что он наблюдал за мной, когда я проезжала мимо. И это чувство продолжало меня преследовать, хотя он уже и не смотрел на меня.

Я остановилась на углу, притворившись, что регулирую велосипед, а сама украдкой разглядывала его, пока он не видел. Мужчина показался мне знакомым, только я никак не могла вспомнить – откуда. Может, он заходил в кофейню в мою смену? Или может, он знаком с кем-нибудь из жильцов Коронадо? А может, мы и не встречались никогда, просто у него одно из тех лиц, которые всем кажутся знакомыми. А может, мне просто нужно выспаться.

Стоило мне подумать обо всем этом, как уверенность в том, что он смотрел именно на меня исчезла. Между тем, он пересек улицу и скрылся в дверях Коронадо, даже не взглянув в мою сторону. Я тряхнула головой и поехала дальше.

Вдыхая утренний прохладный воздух, я мчалась по улицам, ветер свистел в ушах. Маршрут я наметила по карте еще вчера, а сегодня утром для верности нарисовала его на руке, но ни разу не сверилась с ним. Вокруг раскинулся огромный, залитый солнцем город, так отличавшийся от темных коридоров, к которым я привыкла. Те несколько минут, пока мимо меня проносился этот яркий мир во всем своем многообразии, я и не вспоминала об усталости и страхе перед сегодняшним днем. Но потом я свернула за угол, и от моего воодушевления не осталось и следа.

Прямо передо мной возвышались кованные ворота Гайд Скул, а за ними виднелись увитые плющом стены школы.

Глава вторая

Родители готовились к переезду, хотя это больше походило на бегство. Почти год прошел с тех пор, как погиб Бен, и наш дом стал чужим. Говорят, чтобы преодолеть трудности, надо идти напролом, но, очевидно, это правило работает далеко не всегда. Теперь я знаю, есть и другой вариант: развернуться и бежать.

Родители паковали вещи в коробки, и дом постепенно пустел. Я старалась не обращать на это внимания. Весь год я буквально разрывалась, прилагая все усилия, чтобы сносно закончить второй курс и своевременно подчищать Архивный список от имен пробудившихся Историй. Так что мне вполне удавалось не замечать зияющую рану, оставшуюся после гибели Бена, но в конце концов настал момент, когда продолжать игнорировать очевидное я уже не могла. Мама бросила еще одну работу. Папа стал постоянно разъезжать по делам, надевая все более яркие костюмы. И дом наш все чаще пустовал.

Однажды папа вернулся из очередной поездки – как выяснилось, это было собеседование – и положил передо мной буклет. Я как раз сидела на кухне и готовилась к экзаменам. Сначала я доделала задание и лишь затем посмотрела на глянцевую брошюру. В первый момент я решила, что это проспект какого-нибудь колледжа, однако студенты на картинке выглядели слишком уж молодо для университета. Тогда я прочитала название, напечатанное сверху большими готическими буквами: «Гайд Скул».

Я должна была отказаться. Мне и в школе, где учащихся целых полторы тысячи, с трудом удавалось слиться с остальными. А учитывая, что теперь приходилось как-то держаться без Бена, а в моем Архивном списке то и дело появлялись имена Историй, у меня едва оставалось время на учебу. Но отец смотрел на меня с такой щемящей надеждой… К тому же он не стал расписывать, как благотворно отразится на моем будущем обучение в такой престижной школе. Не заводил речь о том, что в маленькой школе легче найти друзей. Не тратя напрасно слов, он тихо сказал, так, что это было больше похоже на вопрос: «Это будет приключение…».

Возможно, он был прав. А может, мне просто стал невыносим наш дом, казавшийся теперь чужим. Или я тоже хотела попытаться найти успокоение в бегстве. Так или иначе, но я согласилась.

* * *

Я должна была отказаться. Эта мысль не покидала меня, пока я разглядывала здания Гайд Скул. На площадке перед кампусом, окруженным кованым забором, стояли дорогие автомобили, да и сами студенты выглядели так, будто сошли со страниц рекламного буклета, который папа принес мне прошлой весной. Правда, я заметила и стойку для велосипедов, но рядом с ней крутились только первокурсники и второкурсники – это я определила по цвету нашивок на форменных рубашках. В буклете говорилось, что студенты первого курса носят форму с блестящими черными нашивками, второго курса – с зелеными, третьего – серебристыми и четвертого – золотыми. Остановившись на краю парковки, я прислонила велосипед к дереву, достала из сумки телефон и перечитала сообщение Уэса.

Уэс: Больше чем уверен, ты справишься.

Я снова огляделась. Мне бы его уверенность. И дело, конечно, не в школьной форме, и не в том, что сам воздух здесь насквозь пропитан запахом денег – из меня бы и Хранителя не вышло, не умей я сливаться с окружающими. Обескураживало меня то, что студентов здесь – по пальцам пересчитать можно. А это значит, что я смогу запомнить их имена и лица. И что еще хуже – они

смогут запомнить меня.

Не сказать, чтобы моя предыдущая школа была такой уж большой, но все-таки там я могла оставаться почти незаметной. Конечно, любопытных глаз и там хватало, но мне без особых усилий удавалось держаться от них в стороне. Но здесь? Будет очень трудно скрывать свою вторую жизнь и постоянно врать, когда народу вокруг – раз, два и обчелся. В «душевной атмосфере» (это не я придумала, это фраза из буклета) любой мой промах тотчас будет замечен. «Ну и что? – подумала я. – Значит, обману не двух-трех человек, а больше». Из этого ведь не следует, что я буду напропалую врать всем и каждому. Нужно будет убедить их лишь в том, что я нормальная. С этой задачей я справилась бы без труда, если бы последние три недели спала не по два часа в сутки, а немного больше. И если бы меня не преследовали воспоминания об Истории, пытавшейся меня убить. Но что поделать. Так не бывает, чтобы все складывалось безупречно.

Когда почти все студенты зашли на территорию кампуса, я пересекла стоянку и прицепила «Данте» к велосипедной стойке. Проходя через ворота, я невольно улыбнулась. Массивная кованая «Г» переплеталась с прутьями ограды. Я сфотографировала ворота на телефон и отправила фото Уэсу с подписью «Оставь надежду всяк сюда входящий» (Эти слова написаны над вратами в ад в «Божественной комедии» Данте, а еще это любимая цитата Уэса). Он тут же ответил, но прислал только смайлик. Но мне и этого хватило, чтобы почувствовать себя не так одиноко. Я сделала глубокий вдох и шагнула вперед.

Просторный прямоугольный двор окружали каменные здания с замшелыми стенами, соединенные между собой дорожками, мостиками и переходами – уменьшенная копия университета, где теперь преподавал папа. Видимо, это как-то должно подготовить тебя к учебе в колледже.

Идя по главной дорожке к административному корпусу – увитому плющом зданию с надстроенной часовней, – я думала о том, как понравилось бы тут Линдси. Я ей даже написала об этом, и спустя несколько секунд она ответила:

Линдс: Кто это?

Мак: Ха-ха

Линдс: Маккензи Бишоп, которую я знаю, сроду сама не позвонит, и уж тем более не напишет.

Мак: Люди меняются.

Линдс: Если ты и изменилась, то наверняка ради того парня с подведенными глазами, верно?

Мак: Нет.

Линдс: Ладно, я тебя прощаю.

Я закатила глаза и сунула телефон в карман. Глубоко вдохнув, я открыла дверь в здание администрации и оказалась в просторном стеклянном вестибюле, откуда во все стороны расходились коридоры. Я быстро нашла главный офис, где женщина с удивительно тугим пучком волос выдала мне расписание занятий. Обратно я хотела пойти тем же путем, каким пришла, но меня провели через вереницу дверей в большой холл, где толпились студенты. Что делать дальше, я понятия не имела. Стараясь держаться от всех подальше, я снова и снова повторяла себе: «Я ни за что не достану карту, я ни за что не достану карту, я ни за что не достану карту». Я заранее изучила план кампуса, честно. Но сейчас я с ног валилась от усталости. Кроме того, даже если ты прекрасно ориентируешься в пространстве, здесь, как и в Коридорах, надо обойти все самой, чтобы запомнить, где что находится.

– Это через одно здание отсюда, второй коридор, третья аудитория по левой стороне, – прозвучал голос справа. Я обернулась и встретилась взглядом с каким-то парнем. Судя по золотым нашивкам на черной рубашке, он учился на четвертом курсе.

– Прошу прощения?

– Алгебра и тригонометрия у Брэдшоу – это в математическом корпусе, в 310-й, – пояснил он, кивая на листок, который я держала в руках. – Извини, я случайно увидел. И мне показалось, что ты не знаешь, куда идти.

Я сложила листок и убрала в сумку.

– Это так заметно? – спросила я, стараясь чтобы мой голос звучал беспечно.

– Ну, ты стоишь с испуганным видом посреди административного корпуса, держа в руках расписание… – усмехнулся он. – Я не виноват в том, что мне захотелось тебе помочь!

В нем как-то по-особенному подкупало буквально все: и темные волосы, и глубокий загар, и золотистые глаза, и широкая улыбка. Но затем он в один миг разрушил это впечатление, когда сказал:

– Разве я мог не поспешить на помощь милой даме, попавшей…

Воздух как будто стал ледяным.

– Я не милая дама, – произнесла я без намека на шутку. – И уж точно не попала в беду, если ты это собирался сказать.

Он осекся, но и не подумал отступить, наоборот, его улыбка стала мягче и искреннее.

– Значит, то, что я сказал, прозвучало по-идиотски, да? Давай тогда начнем сначала. – Он протянул руку. – Меня зовут Кэш.

– Маккензи, – сказала я и тоже подала ему руку, приготовившись услышать шум. Меня накрыло громким (живые всегда ужасно шумят), но на удивление мелодичным звуком. Смесь джазовой музыки и смеха. Рукопожатие закончилось, и звук стих. А в следующий миг зазвенел первый звонок, эхом прокатившись по коридорам.

Ну вот и все. Началось.

– Идем, я провожу тебя в аудиторию, – предложил он.

– Это совсем необязательно.

– Знаю. Но я буду рад помочь.

Я замешкалась. Что-то неуловимое в нем напоминало мне Уэса. Может, то, как он стоял или улыбался? Если я сейчас ему откажу, это наверняка привлечет еще больше внимания – на нас и так поглядывали студенты, спешившие мимо. Поэтому я кивнула:

– Ну хорошо, веди.

И тут же пожалела об этом. Пока мы шли, Кэш останавливался буквально на каждом шагу, чтобы поздороваться и обняться со всеми, кто попадался навстречу. Но что было хуже всего – он знакомил меня с каждым встречным, привлекая к моей персоне всеобщее внимание.

Первый звонок уже стих и коридоры опустели, но приятели Кэша охотно останавливались, а то и делали с нами несколько шагов, чтобы перекинуться парой слов. Когда, миновав один из надземных переходов, соединявших здания, мы добрались наконец до математического корпуса и подошли к 310-й аудитории, у меня уже голова кружилась от всех этих заинтересованных взглядов. А затем Кэш исчез, с улыбкой бросив: «Удачи!». Я даже не успела поблагодарить его, не говоря уж о том, чтобы спросить, где будет следующее занятие.

Когда я вошла в аудиторию, шестнадцать пар глаз уставились на меня с умеренным любопытством. Преподаватель увлеченно строчил формулы на доске, на самому верху которой было написано: «Алгебра и тригонометрия». Почти все столы оказались заняты. Мне досталось место в последнем ряду, и это было очень странно, потому что в старших школах студенты обычно стараются сесть подальше, а первые ряды, наоборот, пустуют. Я села, преподаватель повернулся к классу и начал урок. Сковавшее меня напряжение постепенно исчезало. Верно говорят – ожидание казни страшнее самой казни. Так же и здесь.

Во время урока я с облегчением обнаружила, что невзирая на величественные каменные фасады и форменную одежду, это все-таки просто школа. Да, все здесь выглядит совершенно иначе, но по сути мало чем отличается от того, к чему я привыкла. Мне вдруг стало любопытно, какой урок оказался у Линдси первым. Она, разумеется, займет место в первом ряду. Интересно, кто будет

сидеть слева от нее, кто будет чертить на полях ее учебников каракули, пока она не видит? Потом я подумала о том, какие предметы изучал бы сейчас Бен, но спохватилась и заставила себя сосредоточиться на уравнении, написанном на доске.

С математикой у меня всегда все было в порядке. В ней все точно и однозначно, верно или неверно, черное или белое. Уравнения… Люди – это тоже своего рода уравнения, только очень сложные и запутанные. Дед воспринимал людей, как книги, которые ждут, чтобы их прочитали. Я же представляю их скорее в виде формул со множеством переменных. Лишь сумма слагаемых всегда известна. Таким мне и слышится их шум – все, что есть в человеке, беспорядочно наслаивается друг на друга. И пока человек жив, его мысли, чувства, воспоминания хаотично перемешаны, переплетены. Но потом все это собирается и выстраивается по порядку, и тогда ты четко видишь все слагаемые этой формулы. И видишь, что они равны.

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Я обратила внимание на этот звук, когда Брэдшоу делал паузы в своих объяснениях. Это тикали часы на задней стене аудитории, и услышав их тиканье, я уже не могла перестать его слышать. Надо отдать преподавателю должное – урок он вел виртуозно, я даже подумала, не обучался ли он ораторскому искусству или же он так красноречив от природы? Но почему же тогда он стал учителем математики? И все равно, даже сквозь его речь, я слышала постоянное тихое тик-так… Дед говорил, что звуки, наполняющие Коридоры, можно разделить. Зацепись за один какой-нибудь звук и вытяни его, оставляя остальные на заднем плане. Я вытянула тик-так, тик-так, так-так, и вскоре голос преподавателя стих. Единственное, что я слышала – это размеренное как пульс тиканье часов.

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Тик-так. Тик-так.

Тик-так…

А затем в кратчайший миг между этими звуками вдруг выключился свет. Все лампы на потолке замерцали и погасли, аудитория погрузилась во тьму. Когда

снова стало светло, помещение оказалось пустым. Шестнадцать студентов и преподаватель исчезли. Остались лишь голые столы, тикающие часы и нож, лезвие которого нежно, словно целуя, прижималось к моему горлу.

Глава третья

– Оуэн, – с моих губ сорвался шепот, голос перехватило от страха. Только не здесь. Не сейчас.

Он тихо вздохнул у меня за спиной, и я почувствовала, как его губы коснулись моего уха.

– Привет, М.

– Не… – начала я, но острие ножа вдавилось в шею и слова застряли в горле.

– Взгляни на себя, – он поднял лезвием мой подбородок. – Сплошное притворство. Улыбаешься, киваешь, пытаешься выглядеть нормальной.

Он убрал нож, обошел мой стул и уселся передо мной прямо на стол. Серебристые волосы он зачесал назад. Щелкнув языком, Оуэн подался вперед, упираясь локтями в колени. По-волчьи дикие синие глаза сверлили меня взглядом.

– Они уже знают, что ты не в себе? – спросил он, вертя в руках нож. – Ничего, скоро узнают. Может, покажем им?

Я ухватилась за край стола.

– Тебя не существует.

– И тем не менее я мог бы сорвать с тебя маску, – продолжал он, – на глазах у всех. Заставил бы открыться, выпустив на волю тех чудовищ, что сидят в тебе. Я мог бы освободить их. Освободить тебя. – Он сел прямо. – Тебе здесь не место.

– И где же мое место?

Оуэн спрыгнул со стола и встал рядом. Нож остался на столе, острием ко мне, всего в нескольких сантиметрах от края. И от меня. Положив руку на мое плечо и удерживая меня на стуле, Оуэн наклонился и прошептал:

– Со мной.

Затем он резко взмахнул ножом, я ахнула и рывком села прямо, задев грудью край стола. И тут прозвенел звонок. Оуэн исчез, в аудитории оказалось полно студентов. Они закидывали сумки на плечи, задвигали стулья. Я тяжело осела на стуле и потрогала ребра. Немного погодя я встала, сунула пустую тетрадь в сумку и, пытаясь стряхнуть кошмарное наваждение, направилась к выходу. Я была уже у дверей, когда мистер Брэдшоу окликнул меня.

– Мисс Бишоп? – сказал он, наводя порядок у себя на столе.

Я обернулась.

– Да, сэр?

– Я вас утомил?

– Нет, сэр, – поежилась я.

– Я очень рад! – Он поправил очки. – А то я уж начал волноваться, что слушать меня утомительно.

– О, что вы! Совершенно напрасно. Вы замечательно рассказываете, – заверила я. – Учились театральному искусству?

И тут же прокляла себя за болтливость. Одно дело – трепаться в Архиве, но мистер Брэдшоу не Библиотекарь, а преподаватель. К счастью, он улыбнулся.

– Тогда смею надеяться, что вы слушали мою лекцию с неослабевающим вниманием, хоть мне и казалось, что вы спите. Но на будущее – не могли бы вы все-таки слушать меня с открытыми глазами? Просто чтобы я был уверен, что вы

с нами.

Я попыталась улыбнуться, кивнула и пробормотала:

– Да, сэр.

И выскользнула в коридор. Еще нужно было отыскать аудиторию, где проходят занятия по теории и анализу литературы. Кстати, не понимаю, почему бы не называть этот предмет просто английский язык? Не успела я сориентироваться, как рядом кто-то громко кашлянул. Я повернулась и увидела Кэша – он поджидал меня у двери, держа в каждой руке по стаканчику кофе, и протянул один мне.

– Все еще пытаешься строить из себя рыцаря? – спросила я, потянувшись за кофе.

– У тебя английский с Уэллсон. Это в другом корпусе, – сообщил он. – Если не знаешь дорогу, за пять минут точно не успеешь дойти.

Я взяла кофе, и он пошел впереди. Мне оставалось только следовать за ним и стараться не облиться – ведь приходилось лавировать в потоке студентов, пытаясь избежать столкновения, чтобы не слышать всплесков чужого шума.

– Пока ты не спросила, откуда я знаю про Уэллсон, – заметил Кэш, – скажу сразу, у меня нет привычки преследовать новичков. – Он легонько постучал пальцем по голове. – Просто у меня фотографическая память.

– Очень полезное свойство, особенно в такой школе, как эта.

– Точно. – Его улыбка стала еще шире.

Он вел меня, а я пыталась запомнить маршрут.

– Скоро ты сама будешь знать тут все вдоль и поперек.

Уж придется. Одной из инновационных обучающих методик, упомянутых в буклете, было планирование. Учебный семестр в Гайд Скул организован так, что

у студентов по пять занятий в день: три – до обеда и два – после. И расписание каждый день меняется таким образом, что тот урок, который был первым, становится последним и наоборот. К примеру, расписание на понедельник, среду и пятницу может быть таким: алгебра, теория литературы, занятия спортом, часовой перерыв на обед, а затем – физиология и менеджмент. Тогда во вторник и четверг занятия будут идти в следующем порядке: менеджмент, физиология, занятия спортом, обед, а потом теория литературы и алгебра. В буклете подробно расписывались преимущества такой методики, но пока возникало только ощущение, что тут придется из кожи вон лезть.

Кэш провел меня через ряд дверей, и мы вышли во внутренний двор, окруженный зданиями. Дорожка уводила нас направо. Кэш на ходу пил кофе и непринужденно сообщал разные интересные факты о Гайд Скул, основанной в 1832 году. Сначала тут было две школы (одна – для девочек, другая – для мальчиков), но позже их объединили. Один из основателей школы был скульптором, поэтому на территории кампуса много статуй. Четырнадцать, хотя насчет их количества все время спорят. И все в таком духе.

Бодро шагая впереди, Кэш махал рукой каждому, кто его окликал (окликали его постоянно), но ни на миг не прерывал свой рассказ. Хорошо еще, что он не останавливался с кем-нибудь поболтать, так что мы подошли к аудитории как раз, когда прозвенел звонок.

Кэш с улыбкой повернулся ко мне, и на этот раз я успела его поблагодарить. Он помахал мне рукой, церемонно поклонился и ушел. Я допила кофе, выбросила стаканчик и открыла дверь в класс. Студенты еще занимали свои места, и я села в третьем ряду. В аудиторию вошла средних лет женщина с прямой спиной. Я догадалась, что это и есть миссис Уэллсон. Она стала что-то писать на доске каллиграфическим почерком, а когда отошла в сторону, я невольно улыбнулась.

На доске было написано: Данте, «Божественная комедия».

* * *

Лето было в разгаре. Я помогала маме навести в кафе порядок и сметала пыль, лежавшую повсюду густым слоем. Уэсли Айерс оседлал металлический стул, развернув его спинкой вперед. Я заметила у него под рубашкой очертания ключа. Мы знали о тайной жизни друг друга, и общий секрет ничуть нас не

тяготил. Напротив, он поддерживал нас.

Я мыла прилавок мыльной водой, и тут Уэсли заметил рядом со своим стулом книгу на стопке скатертей.

– Что это у нас тут? – спросил он, беря ее в руки.

«Божественная комедия» Данте.

– Это из списка для летнего чтения, – пояснила я.

– Им должно быть стыдно, – заметил он, листая нечитанные страницы. Он прикасался к ним едва ли не с благоговением. Пробежал глазами по строчкам так, будто знал их наизусть. – Обязаловка может разрушить очарование даже самой лучшей книги.

Я спросила Уэсли, читал ли он «Божественную комедию». Он ответил утвердительно, а я призналась, что не читала. Тогда Уэсли с улыбкой сказал, что некоторые книги лучше слушать, чем читать.

– Сейчас я тебе это докажу, – пообещал он, усмехнувшись. – Продолжай уборку, а я тебе почитаю.

И он действительно доказал. Он читал мне с того самого дня и до конца лета. И я запомнила каждое слово.

* * *

Прозвенел звонок с урока, и я сдала контрольную работу. К слову, никто из студентов не выразил ни малейшего недовольства, когда миссис Уэллсон ее объявила. А я, благодаря Кэшу и стаканчику кофе, смогла высидеть весь урок, не погружаясь в жуткие сны.

Я была уверена, что Кэш снова ждет меня в коридоре, но сколько ни вглядывалась в поток студентов с черными, зелеными, серебристыми и золотыми нашивками, нигде его не увидела. Меня это удивило и, честно говоря,

слегка задело. Однако я заметила, что все «серебристые» и «золотые» шли в одну сторону. И поскольку из буклета я уже знала, что у студентов третьего и четвертого курсов перед обедом общие занятия спортом, то решила следовать за потоком. Вместе со всеми я вышла на улицу и пересекла двор. За окружавшими его корпусами стояло еще одно величественное здание в готическом стиле. Его каменные стены, казалось, хранили печать ушедшего времени. Наконец, я увидела одну из скульптур, о которых рассказывал Кэш, – каменного ястреба над входом.

– Это наш ястреб, талисман Гайд Скул, – пояснил он слегка запыхавшись, когда внезапно появился рядом. – Символизирует проницательность, инициативу и изобретательность.

Впереди нас по дорожке шли третьекурсницы. Одна из них оглянулась, посмотрела на Кэша и закатила глаза.

– Касиус Артур Грэм, сколько можно повторять: рассказывая о школе, девушек не склеишь. История Гайд Скул никому не интересна.

Я тут же покраснела, но Кэш ничуть не смутился, только улыбнулся еще шире.

– Ты наверное удивишься, Сафия, но не все парни поддерживают беседу только ради того, чтобы залезть кому-то под юбку.

Подруги Сафии засмеялись, а сама она прищурилась с раздражением, которое обычно вызывает либо бывший парень, либо брат. У нее были те же золотые глаза и темные волосы, только стянутые в хвост, и я догадалась, что она – сестра Кэша. Его слова, по-видимому, задели ее. Она огрызнулась в ответ и, взяв под руку подругу, поспешила к спортивному комплексу. Кэш равнодушно пожал плечами.

– Это моя сестра, – подтвердил он мою догадку и открыл передо мной дверь. – Извини, мистер Керри съехал на одну из своих любимых тем и его понесло, вот он и задержал нас после урока. Радуйся, что у тебя есть еще год, пока он не начал у вас вести занятия. В любом случае, прости за опоздание. Неужели я изгнан из рыцарей? Может быть моя схватка с этими огнедышащими драконихами поможет мне заслужить прощение?

– Думаю, твой рыцарский щит мне еще пригодится, – ответила я.

– Слава богу, – вздохнул он, затем кивнул вдогонку сестре, скрывшейся в раздевалке. – Позже он и мне наверняка понадобится.

* * *

Пока я искала свой шкафчик со спортивными штанами и майкой, случайно заглянула в три чужих. Хорошо, что только в три, их вполне могло оказаться несколько десятков. Школа для меня вообще похожа на минное поле. Тут полно людей и минимум личного пространства, а в раздевалках все еще хуже. Однако мне удалось обойтись незначительными соприкосновениями, вызвавшими тупую головную боль.

Прежде чем переодеться, девочки снимали и убирали в шкафчики цепочки и кольца – те немногие украшения, которые можно носить, не нарушая правила Гайд Скул. Кольцо я снимать не собиралась, но с ключом могли возникнуть сложности. Я нащупала его сквозь ткань. Если кто-нибудь заметит, что у меня на шее ключ, то непременно потребует его убрать, а вместе с ним и кольцо. Вздохнув, я сняла через голову шнурок с ключом и положила на полку. Без его привычной тяжести мне стало как-то не по себе. Только я натянула футболку, как раздался чей-то возглас:

– Саф! Идем!

– Я вас догоню, – услышала я знакомый голос. Оглянувшись, я увидела Сафию. Поставив ногу на край скамьи, она шнуровала кроссовку. Не поднимая глаз, она произнесла:

– Ты ведь в курсе, что это просто его обязанность?

На меня она не смотрела, но рядом никого больше не было. Так что обращалась она очевидно ко мне.

– Что, прости?

Убрав ногу со скамьи, она выпрямилась, затянула потуже хвост и только потом взглянула на меня.

– Мой брат – куратор для новичков. Показывать, где тут что и помогать им освоиться входит в его обязанности. Такая у него работа. Я решила, что тебе стоит об этом знать.

Сафия явно хотела задеть меня. Что ж, ей удалось. Но черта с два она это увидит – я и виду не подала.

– Вот и хорошо, – бодро отозвалась я. – А то он такой прилипчивый. Я уж подумала, что он на меня запал.

С этими словами я решительно захлопнула шкафчик. Проходя мимо Сафии, я тронула ее за плечо и поблагодарила:

– Спасибо. Мне сразу стало гораздо легче.

Мимолетное прикосновение отдалось в моей голове скрежетом, с каким открывают консервную банку. Но среди шума я уловила и ее растерянность. Так что оно того стоило.

* * *

Снаружи вековые каменные стены спортивного комплекса Гайд Скул были покрыты мхом, как и остальные здания кампуса, зато внутри, сразу за раздевалками, помещения были отделаны светлым деревом, стеклом и сталью. С одной стороны находились офисы, с другой – бассейн. Главный спортивный зал был огромным. Черные полосы на полу разделяли его на сектора, вдоль стен тянулась беговая дорожка. Свет отражался в блестящем металле тренажеров. Увидев, какое здесь оборудование, я не выдержала и улыбнулась. Да уж, мой самодельный спортзал на крыше Коронадо не шел с этим ни в какое сравнение.

Я прошлась по залу, наблюдая, как занимаются другие. Одна группа играла в волейбол, другая – бегала по кругу. Три пары студентов фехтовали. Сафия стояла рядом с ними и, надев перчатки, гнула свою шпагу. Раньше я никогда не занималась фехтованием, но тут мне вдруг захотелось попробовать. Только для

того, чтобы ударить ее. Улыбнувшись, я сделала несколько шагов в ее сторону, но в этот момент с другого конца зала раздался громкий возглас.

На возвышении, похожем на боксерский ринг, только не огороженном канатами, боролись два студента. Из-под защитной экипировки на их тренировочной форме видны были золотые нашивки четверокурсников. Все остальное скрывала экипировка, даже лица были закрыты шлемами. Вокруг столпились студенты, среди них я заметила Кэша с фехтовальной маской под мышкой. Тут же стоял и тренер, крупный, средних лет мужчина, и наблюдал, как двое борцов подпрыгивали, делали выпады, ставили блоки. Тот, что пониже ростом, дрался жестче и агрессивнее. Другой двигался с удивительной грацией, легко уклоняясь от большинства ударов. А через мгновение он уже не просто отражал выпады, но и сам перешел в наступление. Выставил одну ногу вперед, уперся, повернулся и с разворота нанес противнику удар в голову.

Тот упал на спину, потрясенный, но целый и невредимый – нападавший в последний момент замедлил движение и смягчил удар. Но вряд ли это заметил кто-нибудь, кроме меня. Раздался свисток тренера, студенты поаплодировали, и победитель помог побежденному встать. Он слегка хлопнул его по спине, и тот спрыгнул с возвышения. Наблюдая за поединком, я прошла через весь зал и присоединилась к группе зрителей. Победитель театрально раскланялся, явно наслаждаясь вниманием, снял шлем… и я увидела, что это Уэсли Айерс.

Глава четвертая

Уэсли Айерс – парень, которого я встретила в холле Коронадо.

Он знает о моей тайной жизни, потому что он и сам Хранитель.

Он читает мне книги вслух.

Он научил меня переносить прикосновения людей.

И сегодня он напялил смокинг.

Конец лета, мы коротали время в саду Коронадо. Я, одетая очень просто – в тренировочных штанах и футболке, сидела на скамейке. Он, в безупречном смокинге, растянулся на другой. Свадьба его отца всего через несколько часов, но Уэсли все еще здесь. Я видела, что он чем-то встревожен. С тех пор, как он открылся мне, что-то произошло. Я по глупости думала, что все дело в невесте его отца. Он ненавидит эту женщину и влияние, которая она оказывает на их семью. Но сейчас Уэсли вопреки обыкновению не отпустил ни единой колкости не ее счет, даже не пошутил насчет предстоящей свадьбы и своего смокинга. Он просто лег на скамью и начал читать вслух последнюю книгу из списка для летнего чтения, как будто сегодня – самый обычный день. Но вдруг он умолк. Я взглянула на него, подумав, уж не заснул ли он. Но он лежал с открытыми глазами и пристально смотрел на меня.

– Все нормально? – спросила я.

– Просто задумался, – улыбнулся он.

Отложив книгу, он поднялся со скамьи, одернул смокинг и подошел ко мне.

– О чем же? – спросила я и отодвинулась на край скамьи, пытаясь сохранить расстояние между нами, но он сел рядом, совсем близко. Наши колени и руки соприкоснулись, и я задержала дыхание, когда громкие, но знакомые звуки его внутренней рок-группы наполнили меня.

– О нас.

* * *

Я едва его узнала. Ореховые глаза были не подведены, черные волосы прилипли к взмокшему лбу, а не стояли торчком, в ушах – ни грамма серебра. Летом он выглядел совершенно иначе, а сейчас от его странноватого образа не осталось и следа. Однако у него была все та же гордая осанка и знакомая кривая усмешка. После поединка его лицо победно сияло. Никаких сомнений, это Уэсли Айерс, хоть и без своих обычных наворотов. Даже странно, что я не заметила его раньше.

Может, потому, что Уэсли Айерс, мой Уэсли, вообще-то должен отдыхать сейчас на пляже со своей семьей?

Мой Уэсли не оказался бы в этой напыщенной школе. А если и так, то не стал бы этого скрывать. И уж точно не выглядел бы так, словно чувствует себя здесь как дома.

– Кто следующий? – спросил он, сияя глазами.

– Я, – выкрикнула я.

Парни, наблюдавшие за поединком, обернулись все как один, но я смотрела только на Уэса. Уголки его губ дернулись вверх. Ну, разумеется, мое появление его ничуть не удивило. Я ведь сама несколько недель назад сообщила ему, что меня приняли в Гайд Скул. И он ничем себя не выдал. Ни восторгов – «О, здорово, мы будем учиться вместе!», ни поддержки – «Не волнуйся, ты будешь не одна», ни простого участия – «Ух ты, какое совпадение!». Вообще ничего. Почему? Почему он мне ничего не сказал?

– Я не думаю, юная леди… – начал было тренер, когда я подошла к рингу и взяла защитную экипировку.

– Я подписала отказ, – оборвала его я, натягивая нарукавники. Честно говоря, я понятия не имела, действуют ли отказы для таких занятий. Но на Гайд Скул это было бы очень похоже.

– Не в этом дело, – продолжил тренер. – Это рукопашный бой, и важно, чтобы соперники были друг с другом примерно на равных…

– Откуда вы знаете, на равных мы или нет? – огрызнулась я, надевая наколенники. – Или вы так решили потому, что я девушка? – Я пристально посмотрела в глаза тренеру. – Вы это имели в виду, сэр?

Не дожидаясь его ответа, я поднялась на ринг. Тренер не остановил меня, вот и прекрасно.

– Отделай его как следует, – крикнул Кэш, когда я надела шлем.

О, да, подумала я. Непременно отделаю.

– Привет, – поздоровался Уэсли, когда я вышла к нему на середину ринга.

– Привет, – скривилась я.

– Я могу объяснить… – начал он, но его прервал свисток.

Пронзительный свист еще звучал, а я уже ударила ногой – жестко и быстро, угодив Уэсли в грудь. Зрители так и охнули, когда он повалился на пол. Но в следующий миг он откатился и вскочил на ноги. Я снова атаковала, но он поставил блок. Боковым зрением я отметила, что вокруг собралась целая толпа. Уэсли нанес удар, и следом – еще один. От первого я успела увернуться, второй пришелся под дых. В один миг из легких выбило весь воздух, впрочем, это не помешало мне поймать кулак Уэсли и, ухватив за запястье, перебросить через плечо. Он должен был упасть на мат плашмя, но каким-то чудом извернулся и с кошачьей грацией приземлился на четвереньки. Сразу вскочил и ринулся на меня. Я отклонилась назад, избежав удара, и сразу выпрямилась, увидев, что он открылся слева. Но я не воспользовалась этим. Месяц назад Оуэн именно туда ударил Уэсли ножом. Уэс не подавал виду, но я знала, что рана все еще болит. Я видела, как, расхохотавшись, он внезапно вздрагивал и обрывал смех, как осторожно вставал и садился.

Замешкавшись, я пропустила удар в грудь, но падая, зацепила его ногой, обхватила руками и увлекла за собой. Рухнув на пол, я приготовилась к тому, что сейчас меня придавит его весом, но Уэсли уперся ладонями в мат и, тяжело дыша, навис надо мной. Его губы изогнулись в усмешке и он в шутку стукнулся своим шлемом о мой.

– Скучала по мне?

* * *

В саду было так тихо, что я слышала лишь стук собственного сердца. Уэсли, сидевший рядом, наклонился, и его губы легко, словно перышко, коснулись моего виска. Потом скулы. Затем спустились к подбородку. След поцелуев, казалось, прожигал кожу, и я невольно затаила дыхание. По-настоящему Уэсли

поцеловал меня только раз и то лишь затем, чтобы прочесть мои воспоминания. Тот поцелуй был яростный, решительный и жесткий. Эти же поцелуи были совсем другие. Бережные, полные надежды.

– Уэс, – остановила его я. Он уткнулся лбом мне в плечо.

– Ты в курсе, что твой шум напоминает грозу и проливной дождь? – он тихонько усмехнулся. – Я терпеть не мог пасмурную погоду, пока не встретил тебя, – Уэсли говорил с привычной подкупающей легкостью, но вместе с тем в его голосе сквозила грусть. – Скажи что-нибудь, Мак.

* * *

Уэс прижался ко мне всем телом. Защитная экипировка, очевидно, сыграла роль своеобразного буфера, потому что я слышала лишь его дыхание и стук своего сердца. Как странно. Такая тишина… Я уже привыкла к шуму Уэсли. Научилась плыть по разливающимся волнам его рок-музыки, а не тонуть. И теперь воспринимаю его шум совершенно спокойно, но все равно просто чувствовать друг друга, не отвлекаясь даже на знакомые звуки, – такое ни с чем не сравнится.

Сердце забилось быстрее, я спохватилась и напомнила себе, что тогда, в саду, оттолкнула его. Вот и сейчас, посмотрев в глаза Уэса, окаймленные потемневшими от пота ресницами, я заставила себя снова его оттолкнуть.

– Что ты тут делаешь? – прошипела я, пытаясь скрыть боль в голосе.

– Сейчас не самое лучшее время для…

– Отвечай.

– Мак… – он открыл рот, но тут прозвучал свисток.

– Ладно, хватит, – объявил тренер. – Вставайте оба.

Уэсли закрыл рот, но с места не сдвинулся. Я сообразила, что все еще удерживаю его и быстро разжала хватку. Поморщившись, он вскочил на ноги и подал мне руку в перчатке, но я встала сама. Я сняла шлем, пригладила волосы и оглядела толпу студентов, собравшихся вокруг ринга, пока мы боролись. Они таращились на меня с ошарашенным видом. Буквально поедали глазами. Прекрасно! Теперь я в центре внимания. Только этого мне и не хватало.

– Позже поговорим, – еле слышно бросил Уэс. – Обещаю.

Я не успела ответить, а он уже отошел на край ринга и начал снимать защиту.

– Эй, подожди, – окликнула я. Уэсли спрыгнул вниз. Я хотела догнать его, но тренер преградил мне дорогу.

– Один из вас должен остаться, – сказал он, когда Уэсли скинул в кучу свою экипировку. Кэш обхватил его за шею и что-то сказал – я не расслышала что. Оба расхохотались. Кто этот парень? Он так похож на моего Уэсли и в то же время – как будто совсем другой человек.

– Обычно остается победитель, – продолжил тренер, – но если честно, трудно сказать, кто из вас победил.

Я не хотела оставаться, но Уэсли уже протиснулся сквозь толпу студентов, обступивших ринг. Следующим вызвался коренастый третьекурсник. Мне не хотелось, чтобы тренер подумал, что я без сил уже после первой схватки, поэтому, вздохнув, снова надела шлем. Свисток раздался в тот самый момент, когда Уэсли исчез из виду.

* * *

Уэсли сидел, уткнувшись лбом в мое плечо, потом поднял голову и посмотрел мне в глаза.

– Пожалуйста, скажи что-нибудь.

Но что? Разве могла я сказать, что когда он касается меня вот так, я вспоминаю Оуэна. Вспоминаю, как он прижал меня спиной к сырой стене Коридоров. Как до

боли стиснул мои руки. Как пробудил во мне желание, обернувшееся затем жутким страхом. Разве могла я сказать, что чувствуя губы Уэсли, вспоминаю, как мой друг поцеловал меня в холле Коронадо. Как прочел мои мысли и затем оттолкнул, глядя на меня, как на предательницу. Могла ли я признаться в том, что всякий раз, размышляя над своими чувствами к Уэсли, вижу, как он истекает кровью на крыше, и заново испытываю боль, такую острую, что мне страшно впускать его в свое сердце.

Поэтому я только сказала:

– Жизнь сейчас такая запутанная, Уэс.

– Жизнь всегда запутанная, – возразил он, встречая мой взгляд. – Так и должно быть.

Я вздохнула, пытаясь подобрать слова.

– Два месяца назад мне не с кем было даже поговорить, а уж о том, чтобы кому-то довериться и речи не шло. Я даже представить себе не могла, что встречу другого Хранителя. Так что, может, это и эгоистично, но мне невыносима сама мысль, что я могу тебя потерять.

– Ты меня не потеряешь, Мак.

– Ты ушел, – сказала я тихо.

– Что? – нахмурился он.

– Когда ты прочел мои воспоминания об Оуэне, ты ушел. Знаю, ты этого не помнишь, и я тебя не виню. Наоборот, это я виновата в том, что врала тебе, но видеть, как ты уходишь… Я так долго хранила все эти секреты в одиночку и всегда справлялась, но лишь потому, что у меня никогда никого не было. А потом появился ты, Уэс, и когда я тебя потеряла, то впервые почувствовала себя по-настоящему одинокой. Потерять то, что у тебя было, гораздо больнее, чем вообще никогда не иметь.

Уэсли посмотрел на свои руки.

– И поэтому ты бы хотела, чтобы мы вообще никогда не встречались?

– Нет, о боже, нет. Но то, что сейчас между нами происходит, для меня все еще в новинку. Делиться секретами, доверять… И пока я не готова к другим отношениям.

«Я просто их разрушу», – подумала я.

– Понимаю, – голос его звучал тихо и спокойно. Он оставил легкий поцелуй на моем плече, словно прощальный подарок, и отстранился.

– Все это внове и для меня, помнишь? – добавил он спустя несколько минут. – До тебя я тоже никогда не встречал другого Хранителя. Твое появление в моей жизни одновременно пугает и захватывает. Рядом с тобой мое сердце бьется быстрее. И я не хочу тебе лгать, уверяя, что это не так.

Он сцепил наши пальцы, и я подумала, уж не слышит ли он, как грохочет сквозь шум мое сердце.

– Но я здесь. Неважно, что случится с нами потом. Сейчас я здесь.

Он выпустил мою руку и снова лег на скамью. Книгу он не подобрал, просто откинул голову и стал смотреть на облака. Повисло тягостное молчание.

– У нас все хорошо, Уэс? – спросила я.

– Да, – улыбнулся он, почти сумев скрыть ложь. – У нас все хорошо.

* * *

Раздевалка, к счастью, оказалась пуста. Никто не видел, как я надела через голову шнурок с ключом и спрятала его за воротник. Мне стало легче, когда я почувствовала его привычную тяжесть. Его отсутствие казалось чем-то неправильным, пусть даже этот ключ на самом деле не мой.

Я как раз натянула юбку, когда почувствовала царапанье в кармане, будто легкое покалывание булавкой в бедро. Вытащив архивный листок, я увидела: Харкер Блэйн, 13 лет.

Но Гайд Скул – не моя территория, и я понятия не имела, где здесь ближайшая дверь в Коридоры и куда она выведет. А даже если бы и нашла эту дверь, мой ключ все равно не открыл бы ее, ведь у меня нет на это прав. Кроме того, занятия в школе еще не закончились, так что Харкеру придется подождать. Вообще-то я предпочитала возвращать Истории как можно скорее, потому что чем дольше они ждут, тем сильнее мучаются. И тем опаснее становятся. Мне от всей души хотелось, чтобы Харкер продержался. Я надеялась, что он не сорвется.

В животе заурчало. Закинув сумку на плечо, я отправилась на поиски столовой, и на полпути встретила Уэсли. Он сидел на каменном выступе, скрестив ноги, и читал книгу. В своем новом образе Уэс казался мне совершенно неузнаваемым. Он смыл с ногтей черный лак, аккуратно зачесал назад волосы. И выглядел элегантно в черной форме с золотыми нашивками. Я рассматривала его, пока он меня не видел, и не могла отвести взгляд. Лишь серебряное кольцо и очертания ключа под рубашкой остались от того парня, с которым я познакомилась этим летом. Теперь он будто надел маску. Но выглядел он в ней так естественно, что я даже засомневалась: может, мой Уэсли, тот, что ходил с подведенными глазами, волосами торчком и озорной улыбкой, всего лишь притворялся? От этой мысли внутри у меня все скрутило. А затем он поднял глаза от книги и заметил меня. В его взгляде что-то промелькнуло, и вдруг я увидела одновременно и студента богатой частной школы и того бесшабашного парня, чей шум звучит как рок-музыка и идеально ему подходит. Выходит, мой Уэс еще здесь. Но глядя, как он спрыгнул с выступа и остановился, поджидая меня, я невольно подумала: сколько же еще лиц у Уэсли Айерса?

– Я надеялся, что ты пойдешь этим путем. – Он отложил книгу и закинул сумку на плечо.

– Другого я и не знаю.

– Пойдем, – он кивнул в сторону дорожки. – Я покажу тебе.

Мы направились к столовой и дошли до развилки. Справа виднелось большое здание, вокруг которого толпился народ, но Уэс повернул налево. В животе у меня урчало на все лады, но я послушно поплелась за Уэсом по узкой тропинке. Я не могла отвести от него взгляд, ища в нем знакомые и новые черты.

– Ну давай, – он смотрел вперед. – Выкладывай.

– Тебя не узнать, – сказала я.

Он пожал плечами.

– В Гайд Скул свой дресс-код. Здесь, увы, не одобряют эксцентричность, а жаль, ведь я, как мы оба знаем, без ума от всего яркого и неординарного. – Он посмотрел на меня так же пристально, как и я на него. – Ты выглядишь усталой, Мак. Ты спишь?

Я пожала плечами. Мне не хотелось об этом говорить. Как-то раз я обмолвилась о своих ночных кошмарах, но поскольку они не прекратились, решила больше о них не говорить. Мне совершенно не хотелось, чтобы родители беспокоились обо мне и опекали с удвоенной силой. Еще меньше хотелось, чтобы человек, который знает правду, испытывал ко мне жалость. Может, и Уэса терзали бы дурные сны, если бы он помнил тот день, но все, что у него осталось – лишь двадцатичетырехчасовой пробел в памяти, шрам от ножа Оуэна да мой рассказ. Иногда я завидую ему, но тут же вспоминаю, что это был мой выбор. Я сама предпочла помнить о том, что произошло.

– Могу я что-нибудь сделать, чтобы…

– Давно ты вернулся? – оборвала его я. – Или ты вообще не уезжал?

Он нахмурился.

– Я вернулся ночью. Не успел даже вещи разобрать, не говоря уж о том, чтобы навестить Джилл. Ты присматривала за этой проказницей, пока меня не было?

Он явно пытался сменить тему, но я пропустила его вопрос мимо ушей.

– Почему ты не сказал, что тоже здесь учишься?

Сунув руки в карманы, он пожал плечами.

– Как-то само собой получилось. Я не ожидал, что наши пути пересекутся еще и здесь, поэтому и промолчал сначала.

– Да, я понимаю, Уэс… – Архив учит нас делить жизнь на части и никогда их не смешивать, хранить все в секрете. – Но потом, позже? – спросила я шепотом. – Все из-за того, что случилось в саду?

– Нет, – ответил он твердо. – Это тут ни при чем.

– Тогда почему? – вскинулась я. – Последние несколько недель ты читал мне книги, которые сам прочел в прошлом году. Ты видел, как я нервничала по поводу перевода в эту школу и ни слова мне не сказал.

Он усмехнулся.

– Ты бы поверила, если бы я сказал, что просто хотел удивить тебя?

Я смерила его тяжелым долгим взглядом.

– Если так, то тебе это удалось. Хотя мне трудно поверить, что ты лгал мне столько времени лишь затем, чтобы увидеть выражение моего лица.

– Я не лгал, – возразил он резко. – Ты никогда не спрашивала, где я учусь.

Его слова меня будто ударили. Я и в самом деле об этом не спрашивала, он прав. По виду Уэсли всегда казалось, что он не очень-то расположен рассказывать о себе. Не то чтобы мне не хотелось стать частью его жизни, просто я привыкла, что он – часть моей жизни.

– Я решил, – продолжил Уэс, – что если ты спросишь, я скажу правду. Но ты не спрашивала. У тебя сложилось свое представление обо мне, а я не стал его разрушать.

– Почему?

Он провел рукой по волосам. Так непривычно было видеть, как его черные, не уложенные гелем волосы струились сквозь пальцы. Мне вдруг захотелось самой почувствовать их мягкость, но я сдержала порыв.

– Не знаю, – ответил он. – Может, боялся, что если ты узнаешь, где я учусь, то станешь по-другому ко мне относиться.

– С какой стати я стала бы судить тебя за то, что ты учишься в Гайд Скул? – спросила я, показывая на собственную форму. – Вообще-то я тоже здесь учусь.

– Да, но тебе все это не нравится… – взвился он и тут же оборвал себя на полуслове. – Ты даже не знала еще, что это за школа, но уже ее ненавидела. Дни напролет ты высмеивала ее, либо твердила, как боишься сюда идти…

Я поморщилась, с досадой вспомнив, как, изображая великосветский акцент, прочитала ему вслух несколько фраз из буклета.

– Но я здесь вырос. Не я выбрал эту школу, от меня ничего не зависело, но это моя школа. И я боялся, что ты осудишь меня, если узнаешь. – У него вырвался нервный смешок. Он посмотрел на тропинку и добавил: – Вот так-то, Мак. Мене важно, что ты обо мне думаешь.

Я почувствовала, как жаркая волна прилила к моему лицу.

– Но мне очень жаль, – добавил он. – Я знал, что ты нервничала из-за новой школы, и мог бы развеять твои опасения, но не сделал этого. Я должен был сказать тебе.

Да, должен был. Но я вспомнила, как поначалу сама скрывала от Уэса правду, по привычке или из страха, и как мои недомолвки едва не стоили ему жизни. Вспомнила, как Архив стер его воспоминания, и мне самой пришлось рассказать ему о том, что произошло. Мой гнев постепенно стих.

– Выходит, твой другой облик – это студент элитной частной школы? – усмехнулась я. – Больше ничего не хочешь мне рассказать?

На его лице проступило явное облегчение – буря миновала. Однако шпильку он не пропустил, но сумел перевести все в шутку.

– Я всей душой ненавижу баклажаны.

– Серьезно? – удивилась я.

– Абсолютно, – подтвердил он. – Но я терпеть не могу объяснять, что мне просто не нравится их название – в детстве я вообще думал, что это растение с яйцами, так что я просто говорю, что у меня на них аллергия[1 - Игра слов. По-английски баклажан – eggplant. Egg – яйцо, plant – растение. Прим. переводчика.].

Я засмеялась. Его улыбка стала шире, глаза загорелись, и я увидела, что мой Уэсли вернулся. Его глаза не были подведены черным, но он как раньше отпускал шуточки и криво улыбался. Мы снова пошли по дорожке.

– Я рада, что ты здесь, – сказала я тихо, и он, похоже, не услышал. Я не стала повторять и уже громче спросила. – Куда мы идем?

Он оглянулся, приподняв бровь.

– Увожу тебя с пути истинного.

Глава пятая

Мы прошли по дорожке, обсаженной деревьями, и оказались у квадратного каменного возвышения с колоннами по углам. Оно поднималось над землей на несколько футов, в самом его центре возвышалась статуя человека в плаще с капюшоном. Я заметила там трех студентов.

– Это единственная скульптура человека во всем кампусе, – сообщил Уэсли. – Скорее всего, это святой Франциск, покровитель животных. Правда все называют его Алхимиком.

Я понимала почему – каменное изваяние больше напоминало колдуна, чем монаха. Облаченный в мантию, он стоял, низко склонив голову и вытянув руки перед собой, ладонями вверх. Казалось, что он бормочет заклинания. Правда, таинственную атмосферу слегка портила коробка с пиццей, которую кто-то поставил ему на руки. Уэсли указал на возвышение:

– Тут у нас нечто вроде нашей беседки.

Студенты оглянулись на его голос. С одним из них мы уже были знакомы. Кэш сидел на ступеньках, вытянув ноги.

– Маккензи Бишоп, – воскликнул он, когда мы поднялись наверх. – Теперь я понимаю, какую допустил ошибку, но этого больше не повторится. Никогда больше я не назову тебя милой дамой.

Уэсли слегка нахмурился.

– Вы знакомы?

– Я пытался помочь ей, – пояснил Кэш, – но оказалось, она в моей помощи не нуждается.

Уэсли подмигнул мне.

– Думаю, Мак, сама может о себе позаботиться.

Улыбка Кэша получилась на удивление напряженной.

– Ты как-то слишком дружелюбно относишься к девушке, которая только что надрала тебе зад. Я так понимаю, вы знакомы?

– Этим летом мы часто виделись, – ответил Уэс. – Пока вы с Саф плавали… где? В Испании? Португалии? Никак не могу запомнить, где отдыхают Грэмы.

Я заметила, что, общаясь с другими, Уэсли виртуозно переводит разговор на них самих, избегая говорить о себе.

– Не надо завидовать, – сказал Кэш, – мы ведь звали тебя с нами.

Уэсли неопределенно хмыкнул.

– Не люблю я все эти плавающие посудины, – заявил он и взял кусок пиццы из коробки, стоявшей на вытянутых руках статуи. Затем кивнул мне, приглашая присоединиться к угощению.

– «Святая Мария», – гордо произнес Кэш, – не какая-то там плавающая посудина.

– Ах, извините, – Уэс поддразнил его, подхватив тот же важный тон, – Не люблю яхты.

Я не совсем понимала, шутят они или нет.

– Смотрю, вы снова начали издеваться над нашим бедным Алхимиком, – добавил Уэс, ткнув куском пиццы в сторону статуи.

– Радуйся, что Сафия не украсила его стразами, – раздался женский голос, и я перевела взгляд на двух студентов, расположившихся на ступенях. Третьекурсник сидел, скрестив ноги, а рядом, положив голову ему на колени, примостилась рыжеволосая девушка с четвертого курса.

– Точно, – подхватил Кэш.

Девушка приподнялась на локте и посмотрела на меня.

– Кэш, ты привел кого-то левого, – заметила она, улыбаясь.

– Она не левая, Эмбер, – вмешался парень, чьи колени она использовала как подушку. – Она с третьего курса.

Затем он взглянул на меня, и у меня екнуло сердце. На его форме были серебряные нашивки, но на вид ему было никак не больше пятнадцати. Он был невысокий и худощавый, с темными вьющимися волосами, в очках в черной роговой оправе. Все это, да еще каракули на тыльной стороне его ладони, до боли напомнило мне Бена. Если бы мой брат остался жив, если бы он

отпраздновал еще пять дней рождения, то, скорее всего, выглядел бы именно так. Третьекурсник отвел взгляд, и я моргнула. Его сходство с Беном, поразившее меня в первое мгновение, теперь почти исчезло. И все же меня охватила дрожь. Я поднялась по ступеням и встала рядом с Уэсли. Он поднял содовую, стоявшую у ног Алхимика, и указал на ребят.

– С Касиусом ты уже знакома, – начал он.

– Господи боже, не называй меня так, – взмолился Кэш.

– В очках – Гевин, – продолжил Уэс, – у него на коленях – Эмбер.

– Эмбер Кинни, – поправила она. – В Гайд Скул есть две «золотых» Эмбер и одна «серебряная». А еще у этого имени нет нормальной сокращенной формы, уж поверь, поэтому если услышишь, что кто-то сказал Кинни, значит, говорят обо мне. Кстати, я ненавижу, когда меня так называют, не делай этого никогда.

Я взяла содовую и сказала.

– А я – Маккензи Бишоп, новенькая.

– Это и так ясно, – заметил Гевин. Я вспыхнула, но тут он добавил. – У нас маленькая школа, и мы все друг друга знаем.

– Вы можете звать меня Маккензи или Мак, если хотите. Только не Кензи… – Кензи, так называл меня дед, и никто другой не должен больше звать меня этим именем – …или просто М.

Я годами мечтала, чтобы меня называли М. Под этим именем скрывалась другая я, та, которой не приходилось выслеживать Истории и читать чужие воспоминания. Та, которой бы я стала, если бы не вступила в Архив. Но Оуэн уничтожил это имя, прошептав его мне на ухо перед тем, как попытался убить меня.

– Ладно, Маккензи, – сказал Гевин, сделав в моем имени ударение на каждом слоге, точно так же, как делал Бен. – Добро пожаловать в Гайд.

* * *

– Маккензи, поможешь мне?

Мы с Беном сидим за столом, а мама, напевая, готовит обед. Я учусь на первом курсе. По английскому нам задали прочитать отрывок из одного текста, что я и делаю, крутя на пальце серебряное кольцо. Бен ломает голову над заданием по математике за четвертый класс – он не слишком любит математику.

– Маккензи…?

Мне всегда нравилось, как Бен произносил мое имя. Он был не из тех детей, которые не могут толком выговаривать слова и глотают звуки. В четыре года он очень гордился тем, что умел произносить слова полностью. Маму он никогда не называл «ма», папу – «па», а нашего деда и вовсе звал «дед Энтони». Мое имя он тоже никогда не коверкал и не упрощал, вроде «Макени» или «Мэнзи». И уж точно не звал меня «Кензи». Только Мак-кен-зи и никак иначе. И каждый слог произносил отчетливо.

– У меня тут трудности с решением, можешь мне подсказать?

В девять лет он даже вопросы формулировал четко и конкретно. Бен просто сгорал от желания выглядеть взрослым. И выражалось это не только в том, что он носил папин галстук, а за обедом пользовался ножом и вилкой, как мама. Он подражал их осанке, поведению, манере говорить. На самом деле это у него были все задатки Хранителя. Но дед умер рано и не успел увидеть, каким он становится. А я видела. Да, я уже заменила деда, но нередко задумывалась, нашлось ли бы в Архиве место и для Бена.

Я знаю, это желание было чистой воды эгоизмом. И некоторые сказали бы, что нельзя этого хотеть. Я должна защищать брата – в том числе и от Архива. Особенно от Архива.

Но когда я сижу рядом с Беном, крутя свое кольцо и глядя, как он делает уроки, то невольно думаю, что все бы отдала, лишь бы быть там вместе с братом.

Я понимаю, почему дед так поступил. Почему он меня выбрал. Понимаю, почему каждый кого-то выбирает. Не только для того, чтобы этот кто-то занял его место. Но и затем, чтобы не быть одиноким, чтобы не оставаться один на один со своим предназначением и всеми этими секретами. Хотя бы некоторое время.

Это эгоистично и вообще неправильно, но такова человеческая натура. И, наблюдая за стараниями Бена, я думаю, что так бы и поступила. Я бы его выбрала. Я бы взяла младшего брата с собой. Если бы они мне позволили. Но теперь этого уже не узнать.

* * *

Честно говоря, внешне Гевин был не очень похож на Бена. Я разглядывала его минут пятнадцать, хоть и старалась не очень пялиться. К счастью, после душа и прогулки с Уэсом до звонка как раз и оставалось всего четверть часа.

Выяснилось, что у нас с Эмбер следующим уроком физиология. По дороге она сообщила мне, что эти занятия помогут ей подготовиться к поступлению в медицинский колледж, а заодно рассказала, что ее бабушка была выдающимся военным хирургом и оперировала прямо в палатке за занавеской, пропитанной кровью. И, между прочим, у нее самой рука так же тверда, как и у бабушки. Ну а я за эти несколько шагов от беседки до корпуса, на фасаде которого была гипсовая чаша, обвитая змеей, к своему удовольствию узнала, что Эмбер Кинни чрезвычайно словоохотлива.

Она переплюнула даже Линдси. С ней не нужно было думать о том, как заполнить паузу – она молола все, что приходило на ум. Но в то же время оказалась на удивление интересной девушкой. Она засыпала меня кучей фактов о школе, а затем переключилась на тех, кто был в беседке. Гевин не ест ничего зеленого и у него есть брат-лунатик. Кэш свободно говорит на четырех языках и обожает сериалы. Сафия, с которой Эмбер, по-видимому, дружит, раньше была такой робкой, что едва осмеливалась говорить. И до сих пор, видимо, не в курсе, как нужно общаться с людьми. Что же касается Уэсли, то он любит пофлиртовать и никогда не упустит возможности кого-нибудь подколоть. А еще у него аллергия на баклажаны…

Эмбер наконец замолчала.

– Но ты ведь уже знакома с Уэсли, – вспомнила она.

– Не настолько близко, как ты думаешь, – ответила я осторожно.

Эмбер улыбнулась.

– Добро пожаловать в наш клуб. Мы с Уэсом знакомы уже несколько лет, и мне до сих пор кажется, что я его не знаю. Ему, по-моему, нравится напускать на себя таинственность, так что мы смотрим сквозь пальцы на все эти его секреты.

Вот бы все относились к чужим секретам, как Эмбер Кинни. Моя жизнь тогда стала бы гораздо легче.

– Так, значит, Уэсли нравится флиртовать? – спросила я.

Эмбер закатила глаза и придержала дверь, пропуская меня.

– Ну, скажем, его таинственный вид играет ему на руку.

Она посмотрела на меня, и я почувствовала, как кровь прилила к моему лицу.

– Только не говори, что ты уже запала на его таинственность.

– Это вряд ли, – хихикнула я.

Хотя, вообще-то, так оно и есть – ведь вовсе не секреты Уэсли заставляют мое сердце биться чаще. А скорее, то, что они у нас общие. Во всяком случае, большинство секретов. Увидев его здесь, я испытала настоящее потрясение, и теперь невольно подумала: чего еще я о нем не знаю? И будто снова услышала его голос: «Ты не спрашивала».

Мы с Эмбер вошли в кабинет физиологии, сели рядом, и тут как раз прозвенел звонок. Миссис Хилл, которая неожиданно оказалась очень молодой, кратко ознакомила нас с учебной программой. Я принялась листать учебник, пытаясь выяснить, какие кости запястья сломал мне Оуэн. Рассматривая изображения костей, мышц и нервных переплетений, схемы возможных движений тела, я поняла, как много из этого уже знаю. Забавно. В основном, на собственном

опыте, а не по учебнику, но все равно интересно находить объяснение тому, что тебе уже знакомо. Я слегка коснулась нарисованных на странице пальцев.

Так и прошла лекция, а потом Эмбер показала мне, где будет проходить последний урок, политология. Занятие вел мистер Лоуэлл, седой кудрявый мужчина лет пятидесяти, с мягким ровным голосом. Я собиралась тыкать в себя ручкой, чтобы не заснуть, но тут он заговорил:

– Все, что вознеслось – рано или поздно падет. Империи, цивилизации, правительства… Почему? Потому что хоть они и появляются в результате перемен, сами же переменам и препятствуют. Чем дольше они существуют, – продолжал он, – тем больше цепляются за власть и сопротивляются прогрессу. А чем больше они сопротивляются прогрессу и переменам, тем больше этого требует общество. В ответ правители лишь ужесточают контроль, отчаянно желая сохранить власть.

Я напряглась.

«Знаешь, почему в Архиве так много правил, мисс Бишоп? – спросил меня Оуэн в тот день на крыше. – Потому что они боятся нас. Они напуганы.»

– Правительство боится своих граждан, – говорил мистер Лоуэлл. – Чем больше оно ужесточает контроль, тем яростнее люди с ним борются. – Он принялся рисовать указательным пальцем в воздухе круги, каждый – все меньше и меньше. – Контроль становится все жестче. Сопротивление растет и растет, пока наконец не приведет к действиям, и тут возможны два варианта.

Крупными буквами он написал на доске слова «РЕВОЛЮЦИЯ» и «РЕФОРМА».

– Первую половину занятия, – сказал мистер Лоуэлл, – мы посвятим революции, вторую – реформам. – Он стер с доски слово «реформа». – Все вы слышали революционные лозунги и знакомы с риторикой революционеров. Например, они могут называть правительство коррумпированным. – Он написал на доске слово «коррупция». – Приведите еще примеры.

– Правительство прогнило, – подала голос девушка в первом ряду.

– Компания злоупотребляет властью, – подхватил какой-то парень.

– Система не работает, – добавил другой.

– Очень хорошо, прекрасно, – одобрил мистер Лоуэлл, – продолжайте.

Меня передернуло, когда в голове прозвучал голос Оуэна. «Архив превращает нас в чудовищ. Архив – это тюрьма».

– Тюрьма, – выпалила я громче остальных и только тогда поняла, что говорю вслух. Аудитория стихла, преподаватель окинул меня оценивающим взглядом. И наконец кивнул.

– Угроза лишения свободы и, наоборот, призыв к свободе – один из самых классических примеров революционной мысли. Отлично, мисс…

– Бишоп.

Он снова кивнул и повернулся к классу.

– Кто еще?

* * *

К концу уроков я еле волочила ноги. Утренний кофе и пара глотков содовой в обед не могли восполнить дефицит сна, который я испытывала уже несколько дней, а если совсем начистоту – то недель. И неотвязные мысли об Оуэне отнюдь не укрепляли мои нервы. Зевнув, я распахнула двери и вышла на залитый полуденным солнцем двор, оставив позади корпус исторических наук. Свернула с людной дорожки на уединенную лужайку. Здесь я могла спокойно постоять в лучах солнца и проветрить голову. Достав из кармана свой архивный список, я с облегчением обнаружила, что в нем до сих пор всего одно имя.

– Кто такой Харкер? – спросил Кэш из-за моего плеча. Услышав его голос, я вздрогнула от неожиданности. Затем неторопливо сложила листок, стараясь не суетиться, чтобы он не подумал, что я испугалась.

– Просто сосед, – я сунула бумажку обратно в карман. – Обещала собрать для него кое-какую информацию о школе. Он подумывает поступить сюда на следующий год.

Ложь дается мне легко, без усилий, вот только бы не войти во вкус.

– А, ну мы можем зайти в офис по дороге на стоянку. – Он пошел вперед по тропинке.

– Тебе необязательно провожать меня, правда, – сказала я, следуя за ним. – Уверена, я и сама найду дорогу.

– Не сомневаюсь, но все же мне бы хотелось…

– Послушай, я знаю, что ты просто выполняешь свои обязанности…

Он нахмурился, но не сбавил шаг.

– Саф тебе это сказала?

Я пожала плечами.

– Ну да. Ладно, это мои обязанности, но я сам их выбрал. И это не значит, что я приписан к тебе. Я мог бы навязаться с помощью любому ни о чем не подозревающему первокурснику. Но мне бы хотелось сопровождать именно тебя. – Он закусил губу, прищурившись, посмотрел на солнце и добавил: – Если ты позволишь.

– Хорошо, – согласилась я с кокетливой улыбкой. – Но только ради того, чтобы спасти ни о чем не подозревающего первокурсника.

Кэш громко засмеялся, и помахал кому-то на другом краю лужайки.

– Итак… – сказала я, – Касиус? Ничего себе имя.

– Касиус Артур Грэм. Черта с два выговоришь, правда? Так и бывает, когда мать у тебя – итальянский дипломат, а отец – британский лингвист. – Впереди показалась увитая плющом каменная стена главного офиса. Мы подходили к нему с тыльной стороны. – Но оно не так ужасно, как у Уэсли.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я.

Кэш посмотрел на меня так, будто я и сама должна это знать. Затем, когда сообразил, что я не знаю, дал задний ход.

– Ничего. Я забыл, что вы не так давно знакомы.

– Ты о чем? – Я замедлила шаг.

– Ну, просто Уэсли – его второе имя.

– А какое тогда первое? – нахмурилась я.

– Не могу сказать, – покачал головой Кэш.

– Что, все настолько ужасно?

– Он так считает.

– Давай же, скажи. Мне нужно запастись боеприпасами.

– Ну уж нет. Он убьет меня.

Я засмеялась и решила не настаивать. Тем временем мы подошли к дверям административного корпуса.

– Вы с ним, похоже, близки, – заметила я, когда он открыл передо мной дверь.

– Так и есть, – признал Кэш с такой уверенностью, что внутри у меня болезненно екнуло.

Все лето мы вместе с Уэсом охотились в коридорах Коронадо, и я предположила, что он тоже живет особняком. Но оказывается, он вел полноценную жизнь. У него были друзья. Хорошие друзья. Конечно, у меня тоже есть Линдси, но мы прекрасно ладим лишь потому, что она не задает лишних вопросов и не вынуждает меня лгать. Однако мне следовало спросить Уэса. Следовало поинтересоваться.

– Мы вместе выросли, – объяснил Кэш, направляясь к стеклянному вестибюлю. – Я познакомился с ним в Хартфорде, это восьмилетняя школа, мы учились там до поступления в Гайд. Я попал туда в четвертом классе, Саф – в третьем, и Уэсли, можно сказать, взял нас под свое крылышко. Несколько лет назад у его родителей разладились отношения, и мы пытались помочь ему. Хотя он не умеет принимать помощь.

– Он всегда пренебрегает помощью, – кив-нула я.

– Точно, – согласился он, в его голосе слышалось искреннее сожаление. – Потом его мама ушла, и все стало еще хуже.

– Что случилось? – не отступала я.

Но тут он спохватился, сообразив, что не стоило так откровенничать. Поколебавшись, он все же ответил:

– Он уехал к тете Джоан.

– Великой тете, – уточнила я рассеянно.

– Он о ней рассказывал?

– Немного, – сказала я.

Это Джоан передала Уэсли свой ключ и место Хранителя. А затем Архив, опасаясь за свои секреты, стер ее воспоминания, оставив в памяти сплошные провалы. То, что я знаю о Джоан, смягчило настороженность Кэша, и он снова разговорился:

– Предполагалось, что он проведет с ней лето, чтобы не видеть, как разводятся родители – обстановка была ужасной. Но осенью начался новый учебный год, а Уэс в школе не появился. Весь второй курс его как будто не существовало. Только представь – он не звонил, не писал, просто исчез с концами и все. – Кэш покачал головой. – Уэс из тех, кого ты не замечаешь, пока он не уйдет. Так или иначе, второй курс он пропустил. И следующее лето тоже не давал о себе знать. А когда мы перешли на третий курс, он вдруг появился. Как сейчас помню, был обед, и Уэс стоял, привалившись к Алхимику, как будто никогда и не уходил.

– Он изменился? – спросила я. В тот год Уэсли стал Хранителем. Миновав стеклянный вестибюль, мы дошли до дверей в главный офис. Кэш взялся за дверную ручку.

– Да, обзавелся фингалом – это, кстати, я ему поставил. На самом деле, нет, не изменился. Но казался… более счастливым. Ну а я обрадовался до чертиков, что он вернулся, поэтому не стал ничего выведывать. Подожди меня здесь, я возьму для тебя несколько буклетов.

Он скрылся в офисе, и я рассеянно осмотрела холл, стены которого были сплошь увешаны фотографиями в рамках. Хотя слово «увешаны» не совсем то, есть в нем что-то беспорядочное, тогда как тут все фотографии висели безукоризненно ровно и на одинаковом расстоянии друг от друга. Сверху на рамках была выбита дата. На всех снимках были запечатлены группы студентов – выпускной курс, судя по более поздним, цветным фотографиям. Четверокурсники стояли в несколько рядов, соприкасаясь плечами.

Снимки висели в хронологическом порядке: за последние годы – здесь, у входа в вестибюль, а более ранние – дальше по коридору.

Как и в большинстве элитных частных школ, обучение в Гайд Скул раньше было раздельным. Пройдя по коридору, я разглядывала выпуск за выпуском, словно листала назад годы и десятилетия. Сначала с групповых снимков исчезли девушки – фото небольшой горстки студенток висело отдельно, – а затем и вовсе остались одни парни. Цветные снимки уступили место черно-белым. Скользя взглядом по стенам, я вдруг наткнулась на фотографию, от которой внутри у меня все похолодело.

Он мог бы учиться в любой другой школе города, но нет. Он учился здесь. На рамке было написано: «1952 год». Несколько десятков юношей стояли стройными рядами, строгие, ухоженные, элегантные. Среди выпускников в нижнем ряду, был он, Оуэн Крис Кларк. На черно-белом фото его серебристые волосы получились белыми, такими же вышли и глаза из-за вспышки, он казался светлым пятном на фоне черных форменных костюмов. Его губы тронула улыбка, будто он знал какой-то секрет. А может, и правда знал. Снимок был сделан до того, как Оуэн вступил в Отряд, до того, как убили Регину, до того, как он вернул ее Историю, убил жителей Коронадо и спрыгнул с крыши. Но здесь он уже был Хранителем. Это видно по его глазам, насмешливой улыбке, кольцу на руке, которую он положил на плечо другого студента.

– Ты готова?

Я оторвалась от фотографии и увидела Кэша. В руках он держал небольшую стопку буклетов.

– Да, – мой голос слегка дрогнул. Напоследок я бросила еще один взгляд на фото.

«Мы с тобой не такие уж и разные.»

Я нахмурилась. Ну и что с того, что Оуэн здесь учился? Его больше нет. От него ничего не осталось, кроме выцветшей фотографии – единственного напоминания об ушедшем времени. Подходящее место для того, кто умер.

– Пойдем, – сказала я, взяв у Кэша буклеты.

Кэш проводил меня до стоянки.

– Где твоя машина? – спросил он, оглядывая уже наполовину опустевшую площадку.

Я направилась к велосипедной стойке, к Данте.

– Вот мой велосипед.

– Я имел в виду не… – смутился Кэш.

– Он у меня, – отмахнулась я, – на самом деле, вроде кабриолета. Ветер развевает волосы. Кожаные сиденья… ну, то есть сиденье. – Я достала штаны из рюкзака и натянула их под юбку. Он улыбнулся и опустил взгляд.

– Может, мы могли бы завтра повторить?

– Ты имеешь в виду, что мог бы сопровождать меня по школе? – спросила я, открывая замок велосипеда и перекидывая ногу через раму. – Думаю, это мысль. А то одного дня явно недостаточно, – Я старалась при этих словах сохранить серьезное выражение лица, но улыбка все равно проскользнула. Кэш рассмеялся теплым смехом, затем развернулся и, уходя, бросил на прощанье:

– Добро пожаловать в Гайд Скул, Маккензи Бишоп.

Его радостная легкость оказалась заразительной, и я поймала себя на том, что все еще улыбаюсь, глядя, как он уходит за ворота. Затем я бросила взгляд в сторону стоянки, и внутреннее тепло тотчас сменилось холодом. Тот самый мужчина с золотыми волосами и смуглой кожей, которого я видела утром, стоял, прислонившись к дереву, в дальнем конце парковки. Он потягивал кофе из стаканчика и наблюдал за мной. Теперь он даже не пытался это скрывать. Его появление произвело на меня примерно тот же эффект, что и кирпич, влетевший в окно. Это было напоминанием о том, что мне не светит нормальная жизнь. Она могла бы мне хотя бы сниться, но в моих снах надежно обосновались ночные кошмары.

Как бы меня ни пугало то, что за мной следят, еще больше меня пугал тот, кто устроил эту слежку. Потому что ответ напрашивался всего один: Архив. От этой мысли в жилах стыла кровь. Я не могла представить ни единой безобидной причины, по которой Отряд мог бы сидеть у меня на хвосте. А этот человек, вне всякого сомнения, из Отряда.

То, как он потягивал кофе, как неспешно двигался, как расслабленно выглядел, создавало иллюзию беззаботной скуки, которую нарушал лишь его взгляд, острый, цепкий, внимательный. Но даже не это выдавало его. А уверенность. Особый и очень опасный тип уверенности. Таким был Оуэн. Подобную уверенность излучают те, кто знает, что могут уничтожить тебя раньше, чем ты

успеешь хоть что-нибудь сделать. Я поймала взгляд его золотистых глаз, и он, криво улыбнувшись, сделал еще глоток кофе. Я шагнула в его сторону, но тут раздался автомобильный гудок. Я отвлеклась буквально на долю секунды, но когда посмотрела туда, где он только что стоял, его уже не было. Потрясающе.

Секунду-другую я выжидала на случай, если он вернется, но мужчина больше не появлялся. И я с тяжелым сердцем поехала домой, мучаясь вопросом: почему Архив за мной следит?

Беспокойство лишило меня последних сил, так что я с трудом крутила педали. Когда я наконец добралась до дома, перед глазами у меня все плыло от усталости. Я слезла с велосипеда и почувствовала, будто земля под ногами дрогнула и все вокруг покачнулось. Пришлось немного постоять, пережидая, пока не пройдет головокружение, и только потом войти в крутящиеся двери и плестись вверх по лестнице. Мне безумно хотелось спать. Мне необходимо было поспать. Но я отправилась выслеживать Историю.

Глава шестая

В холле на третьем этаже, под туалетным столиком с зеркалом, стоял огромный вазон. Как раз напротив трещины. Я сама его туда поставила. Перетащила эту фарфоровую громадину из вестибюля, где он пылился в углу без дела. Пришлось нести его сначала по парадной лестнице, затем – по боковой. А все для того, чтобы было где спрятать форму, пока я работаю в Коридорах.

Я сняла школьную юбку и сунула ее вместе с сумкой в вазон. Заново собрала волосы в хвост. Затем проверила архивный список, где все еще значился только Харкер, и достала ключ из-под воротника. Превращение студентки Гайд Скул в Хранителя завершено, и на это ушло меньше минуты. Я подавила зевок и сняла кольцо. И тотчас трещина в стене стала четче, и словно ниоткуда проступила замочная скважина. Я вставила ключ, и на желтых обоях проявилось темное пятно. Оно разрослось и обрело форму двери, ведущей в пространство между мирами. Полоска света очертила ее контуры. Я повернула ключ с глухим щелчком и шагнула в темноту Коридоров.

Прижав ладонь к ближайшей стене, я приготовилась считать с ее поверхности следы Харкера, если он здесь пробегал. Но вдруг мой слух кое-что уловил. Напев.

Я отпрянула от стены, чувствуя, как сердце пустилось в галоп, и повернулась на звук. Но в следующий миг все исчезло. Наступила кромешная темнота. И затем, так же внезапно, все вернулось. Я вернулась. Напев смолк, а моя голова прямо-таки разрывалась от боли. Мальчик бежал в нескольких ярдах впереди меня, я помчалась за ним следом.

– Харкер, стой! – слова вылетели сами собой. – Тут некуда бежать! – добавила я.

Это не совсем так, в лабиринтах Коридоров можно кружить бесконечно. Вопрос в другом: здесь никуда не прибежишь.

Мои легкие жгло огнем, ноги ломило, все тело требовало отдыха. Но выброс адреналина придал мне сил, победив нехватку сна. Звуки погони эхом отдавались от стен Коридоров: тяжелое дыхание, топот ног по бетонному полу. Он убегал, я догоняла. И догнала.

Я сократила расстояние на шаг, когда Харкер оглянулся, потеряв долю секунды. Затем – еще раз. А потом он слишком быстро свернул за угол, не вписался в поворот и влетел в стену. Мальчик отскочил от стены и снова пустился наутек. Я срезала угол. Подошвы заскользили по сырому полу Коридоров, но я знаю эти переходы и стены как свои пять пальцев. Я рванула вперед, стремительно сокращая расстояние, и поймала его буквально на лету, ухватив за воротник. Я дернула его на себя со всей силы, и Харкер, потеряв равновесие, распластался на полу, всего в нескольких шагах от ближайшей двери на Возврат, помеченной заштрихованным белым кругом. Он попытался отползти, но я подняла его на ноги и прижала к стене. Удерживая его одной рукой, второй я вставила ключ в замок и повернула. Дверь распахнулась, залив нас обоих слепящим белым светом. Я пристально взглянула в глаза мальчика, расширившиеся, с дрожащими зрачками, и втолкнула его в сияющий свет. Но лишь после того, как он оказался за порогом и свет погас, а я осталась одна в темноте, с бешено бьющимся сердцем, до меня дошло, что выражал его взгляд. Страх. И его страшили не Коридоры, не сияющая белизна Возврата.

Его пугала я.

От этой мысли у меня голова пошла кругом. Стало трудно дышать, словно меня окатили холодной водой. Я оперлась о стену, чтобы удержать равновесие, и почувствовала саднящую боль в руке. Взглянув, обнаружила свежие царапины, которых прежде не видела. К горлу подкатила тошнота. Когда это случилось? Когда Харкер отбивался?

Я голову себе сломала, пытаясь восстановить в памяти последние несколько минут, пытаясь вспомнить, когда он успел меня поцарапать и как мы вообще встретились, а заодно понять, почему он от меня убегал. Когда я поняла, что не могу ничего вспомнить, меня охватила паника. Я помнила, как шагнула в Коридоры, помнила напев и потом… ничего. В следующий миг я уже вовсю гналась за мальчиком, а что происходило до этого момента – неизвестно. Провал.

Зажмурившись от напряжения, я старалась уцепиться за воспоминания, но перед мысленным взором всплывали лишь расплывчатые образы. Я осела на пол и, уронив голову на колени, набрала полные легкие воздуха.

Я вспомнила один из уроков деда. Низким, ровным и твердым голосом он внушал мне: «Всегда сохраняй спокойствие, Кензи. Если будешь паниковать, не сможешь сохранить ясность мысли. Возьми Истории – они паникуют. И какой им от этого прок?»

Я сделала еще один глубокий вдох и попыталась успокоиться. Что я делала? Я считывала со стен… вернее, я приготовилась считывать, когда услышала напев и затем… затем… Я облизнула губы, почувствовав привкус крови. И вдруг воспоминания хлынули волной.

Слышался чей-то напев. Так же напевал и Оуэн. Сердце мое заколотилось, и я пошла по коридору на звук. Но то, что сначала напоминало мелодичный напев, по мере приближения все меньше и меньше походило на пение и в конце концов оказалось резким и размеренным стуком: тук, тук, тук. Коридорам свойственно искажать звуки.

Харкер пинал дверь посреди одного из коридоров, да так громко, что не слышал моих шагов, пока я не оказалась у него за спиной. От шума раскалывалась голова. Он оглянулся. Я не успела и слова сказать, не то что скормить ему какую-нибудь ложь, чтобы расположить его к себе, как он ударил меня кулаком,

застав врасплох.

Воспоминания вернулись словно кадры, мелькающие в стробоскопе.

Я вцепилась в его рубашку. Потянула назад. Руки и ноги переплелись. Он ударил меня ботинком в живот. Отчаянно работая руками, вырвался из моего захвата и побежал. Я – следом.

От облегчения меня даже затошнило. Воспоминания были не слишком четкими, но главное, что я вспомнила. Я достала архивный список и, наблюдая, как его имя исчезает с листка, задалась вопросом, который тревожил меня сейчас сильнее прочих мыслей, роящихся в голове: почему я вообще отключилась?

Я могла предположить, что виной всему недостаток сна. Подобное – отключка или провал в памяти – уже случалось со мной прежде. А точнее, спустя несколько дней после исчезновения Оуэна. В последний раз – он же был первым, хотя я надеялась, что и единственным – я тоже долго не спала и чувствовала себя такой уставшей, что глаза слипались. Тогда я разговаривала с девочкой-подростком, а затем – провал. И в следующий миг я уже стояла в холле Коронадо, недоуменно глядя на сбитые костяшки и архивный список, откуда исчезло ее имя.

Когда я наконец успокоилась, сразу вспомнила то, что произошло. С большим трудом, но все же вспомнила. Я сказала себе, что в такой отключке большой беды нет (хотя прежде никогда не отключалась на работе). Но это был единичный случай, тогда как ночные кошмары терзали меня каждую ночь, поэтому я ничего не стала рассказывать Роланду. Не хотелось, чтобы он лишний раз тревожился. Дед, бывало, говорил: «Тебе придется замечать закономерности, но специально выискивать их не стоит». Да и мне не хотелось делать из мухи слона. Но с другой стороны дед утверждал, что одна ошибка – это случайность, а две – уже повод для беспокойства. Рассматривая ссадины на руках, я знала – еще какой повод. И закрывать на это глаза нельзя.

Я заставила себя подняться. Рядом с дверью на Возврат, куда я только что отправила Харкера, была другая дверь, отмеченная белым пустым кругом. Она вела в Архив. Мне следовало все рассказать Роланду. И я непременно расскажу, но позже. Сейчас я должна вернуться домой. В прошлый раз из памяти выпала всего минута, может, две, но теперь я наверняка потеряла гораздо больше

времени. Я направилась к пронумерованным дверям, впившись ногтями в ладони, чтобы боль хоть как-то взбодрила меня.

В такт моим шагам на запястье болтался шнурок с ключом. Остановившись у двери, выходившей в холл третьего этажа, я взмахнула рукой вверх, поймала ключ на лету и вставила в замочную скважину. Дверь приотворилась. Отсюда холл казался окутанным густой тенью. Я уже занесла ногу над порогом, как вдруг услышала знакомый голос и отшатнулась назад. Сердце громыхало у меня в груди. До чего же глупая оплошность!

Обычным людям не дано видеть эту дверь, так что если бы я вышла через нее, то это выглядело бы так, будто я прошла сквозь стену, да еще и столкнулась бы с мамой.

– Все хорошо, по-моему…

Отсюда холл Коронадо не было видно, но мамин голос, приглушенный, но вполне различимый, проникал сквозь щель.

– Верно, на это потребуется время, я знаю.

Я слышала, как она шла вдоль холла, приближаясь к двери в Коридоры. Слышала ее разговор с длинными паузами – это означало, что она говорит по телефону. Затем шаги стихли прямо напротив меня. Может, она смотрится в зеркало рядом с невидимой дверью? Я вспомнила о вазоне под столиком, уповая, что она в него не заглянет и не обнаружит мои вещи.

– О, Маккензи?

Я оцепенела, но тут же сообразила, что она всего лишь ответила тому, с кем говорила.

– Не знаю, Коллин, – сказала она.

Я раздраженно закатила глаза. Ее психотерапевт. Мама посещает Коллин с тех пор, как в прошлом году погиб Бен. Я надеялась, что после переезда эти сеансы прекратятся. Похоже, что нет. Я обхватила себя руками, стоя по другую сторону

двери, и слушала их разговор, точнее, мамины реплики. Понятно, что мне не следовало оставлять дверь в Коридоры открытой, но архивный список чист, а меня разбирало любопытство.

– Этого не случилось, – продолжала мама. – Да, все в порядке. Я об этом не напоминала. Но ей, вроде бы, стало лучше. Кажется. Казалось. С ней так трудно разговаривать! Я – ее мать. Я должна это уметь, но у меня ничего не получается. Я знаю – что-то не так. Она все скрывает за маской, и я ничего не вижу. – В ее голосе звучала боль, и у меня в груди все сжалось. – Нет. Это не наркотики. Да, уверена.

Я стиснула зубы, сдерживая проклятья. Я ненавидела Коллин. Это ведь она надоумила маму выбросить вещи Бена. Единственный раз, когда мы с ней встретились, она углядела царапины у меня на запястье, оставшиеся после стычки с разбушевавшейся Историей, и вбила себе в голову, что я сама себя порезала, чтобы испытать всю глубину чувств…

– Я знаю симптомы, – и мама перечислила список примет, которые очень точно описывали мое нынешнее поведение: отговорки, капризы, беспокойный сон, замкнутость, неожиданные исчезновения… Но в свое оправдание скажу, что я всегда стараюсь объяснить свои поступки. Только не рассказываю правду. – Но это не то. Да, уверена.

Мне было приятно, что мама заступилась за меня, во всяком случае, в том, что касалось наркотиков.

– Ладно, – сказала она после долгой паузы и пошла дальше. – Буду. Обещаю.

Я слушала, как стихли ее шаги, как звякнули ключи, как дверь квартиры открылась и закрылась. Затем вздохнув, я вышла в холл. Как только я надела кольцо, дверь в Коридоры тотчас исчезла. Юбка и сумка лежали в вазоне так, как я их и оставила. Несколько мгновений – и я уже вновь превратилась в обычную студентку Гайд Скул. Но поймав свое отражение в зеркале, я уловила таящееся во взгляде сомнение.

«Я знаю – что-то не так. Она все скрывает за маской, и я ничего не вижу.»

Я несколько раз отрепетировала улыбку, чтобы проверить, надежно ли сидит на мне моя маска. И лишь затем пошла домой.

* * *

Вечером я разыграла настоящее представление. Так и видела, как дед одобрительно аплодирует мне в свойственной ему неспешной, даже ленивой манере. Рассказывая маме и папе о том, как прошел день, я изображала энтузиазм, но не переусердствовала, чтобы не вызвать у родителей подозрение вместо приятного удивления.

– Гайд Скул – просто потрясающая школа! – заявила я.

Папа просиял.

– Я хочу знать все подробности.

Я была только рада стараться. В основном я, конечно, пересказала ему текст из рекламного буклета, строчку за строчкой, но хоть и изображала восторг, то, что я говорила, нельзя было назвать ложью. И мне это нравилось. Так приятно говорить то, что хотя бы отдаленно напоминает правду.

– И вы ни за что не догадаетесь, кто еще там учится! – воскликнула я, стащив морковку, пока мама ее резала.

– Ты расскажешь нам об этом за ужином, – остановила она меня, вручая тарелки и серебря-ные приборы. – Но сначала накрой на стол.

Но, говоря это, она улыбалась. Папа убрал книги со стола и отошел к дивану, чтобы посмотреть выпуск новостей.

– Кто сегодня закрывал кофейню? – спросила я.

– Берк.

Берк – муж Бетти, а Бетти – сиделка Никса, слепого старика, который живет на седьмом этаже и не может спуститься вниз, потому что прикован к инвалидному креслу и не доверяет этим покосившимся железным коробкам – то есть, лифтам.

Две недели назад Берк и Бетти въехали в одну из пустых квартир на шестом этаже. Сразу после того, как Никс, в конце концов, подпалил собственный шарф сигаретой. Меня это потрясло. Нет, не пожар – этого и следовало ожидать, а то, что они переехали из-за него, хотя вовсе ему не родственники. Но, видимо, когда-то Никс был для Бетти как отец, и теперь она относилась к нему, как взрослая дочь к беспомощному родителю. Это очень трогательно и к тому же решало все проблемы. Потому что Берк, а он художник, искал стабильную работу со страховкой, а маме требовались еще одни руки в кофейне Бишопов. Она пока не могла выплачивать ему жалованье, но он, похоже, и не возражал. Только попросил разрешения повесить в кофейне свои картины для продажи.

– Позже я отнесу ему ужин, – сказала мама, отставив одну тарелку в сторону.

Я собиралась расставить на столе стаканы, когда мое внимание привлек ведущий новостей. Я смотрела на экран из-за папиного плеча. Повторяли утренний выпуск новостей, в котором говорилось о пропавшем человеке. Показали комнату, в которой все было перевернуто вверх дном. Я хотела попросить папу прибавить звук, но мама сказала:

– Выключи. Ужин готов.

Папа послушно выключил телевизор, но я на секунду задержала взгляд на погасшем экране. Образ комнаты так и стоял перед моими глазами. И эта комната показалась мне смутно знакомой…

– Маккензи, – окликнула мама. Я сморгнула, и образ растаял. Повернувшись, я увидела, что родители уже сидят за столом и ждут меня. Я тряхнула головой и постаралась улыбнуться.

– Простите. Иду.

Ужин меня подкосил. Как только я села за стол, на меня снова навалилась усталость, и большую часть ужина я болтала о школе, почти не замолкая, лишь бы не уснуть. Когда тарелки опустели, я сбежала к себе, сославшись на то, что

нужно делать уроки. Но едва я прочитала одну страницу, как перед глазами все поплыло, слова и строки слились. Я встала, попыталась пройтись по комнате с учебником в руках, но мой разум, казалось, начисто утратил способность что-либо запоминать. Руки и ноги отяжелели, будто налились свинцом. То и дело я бросала взгляд на кровать, думая лишь о том, как сильно хочется лечь… Книга выскользнула из рук, с глухим стуком упала на пол.

…как же я хочу спать…

Я подошла к кровати.

… я уверена…

Стянула покрывало.

… что, когда усну…

Я опустилась на простыни.

… мне ничего не будет сниться…

Глава седьмая

На крыше было полно чудовищ, и все они были живые. Они сидели, опираясь на каменные лапы, и смотрели каменными глазами, как Оуэн преследует меня, петляющую в лабиринте их тел.

– Прекрати убегать, мисс Бишоп, – его голос прокатился эхом по крыше.

И вот бетон подо мной осыпался, и я, пролетев все семь этажей, упала в вестибюле Коронадо и так сильно ударилась о пол, что едва не переломала себе все кости. Перекатившись на спину, я посмотрела наверх и увидела, что на меня летят каменные горгульи. Я вытянула руки перед собой, пытаясь защититься от тяжелых глыб. Но ничего не произошло. Я моргнула и увидела, что нахожусь в

клетке из обломков статуй. Точнее, под сетью скрещенных рук, ног и крыльев. А в центре стоял Оуэн и вертел в руках нож.

– Архив – это тюрьма, – спокойно сказал он.

Он подошел ко мне. Шатаясь, я поднялась на ноги и пятилась, пока не уперлась спиной в изваяния горгулий. Каменные конечности вдруг ожили, схватили меня за руки и за ноги, обвились вокруг талии. Я старалась вырваться, но каменные пальцы сжимались все туже, до хруста костей. Я с трудом сдерживала крик.

– Но не волнуйся, – Оуэн погладил меня по голове и запустил пальцы в мои волосы. – Я освобожу тебя.

Он провел тупой стороной ножа по моему телу, ткнул острием между ребрами и надавил. Нож прорезал рубашку и ранил кожу. Я зажмурилась, пытаясь отстраниться, пытаясь проснуться, но Оуэн крепко держал меня за волосы.

– Открой глаза, – велел он.

Я повиновалась. Его лицо оказалось в нескольких в дюймах от моего.

– Зачем? – прохрипела я. – Чтобы я увидела правду?

Его улыбка превратилась в хищный оскал.

– Нет, – сказал он. – Так я смогу увидеть, как в них погаснет жизнь.

И затем вонзил нож в мою грудь. Я резко села. В комнате было темно. Одной рукой я вцепилась в рубашку, вторую прижала ко рту, пытаясь заглушить вырвавшийся крик. Я знала, что это сон, но он был пугающе реалистичен. Все тело изнывало от боли, словно я и в самом деле упала с высоты. Словно каменные чудовища и вправду держали меня как в тисках. Острая фантомная боль поселилась в груди, в том месте, куда вошел нож. Мое лицо взмокло, но я не могла понять: слезы это или пот. Или и то, и другое. Часы показывали без четверти час. Казалось, я разваливаюсь на части. Я подтянула колени к груди, уткнулась в них подбородком и попыталась выровнять дыхание.

В дверь постучали.

– Маккензи, – послышался тихий голос папы. Я подняла глаза. Дверь приоткрылась, и в полоске света, льющемся из родительской спальни в коридор, я увидела его силуэт. Он вошел и сел на край кровати. Я возблагодарила темноту, скрывающую мое лицо.

– Что случилось, милая? – прошептал он.

– Ничего, – ответила я. – Прости, если разбудила вас. Просто плохой сон.

– Опять? – спросил он мягко. Уж очень часто меня стали мучить ночные кошмары, и мы оба это понимали.

– Пустяки, – отмахнулась я, стараясь, чтобы мой голос звучал беззаботно.

Папа снял очки и протер их футболкой.

– Знаешь, что твой дедушка говорил мне про плохие сны?

Я знаю, что дед говорил мне, но сомневаюсь, что папе он говорил то же самое, поэтому покачала головой.

– Он уверял, что плохих снов не бывает. Есть просто сны. А когда мы называем их плохими или хорошими, то сами придаем им это значение. Знаю, это вряд ли поможет, Мак. Знаю, что легко об этом рассуждать, когда ты уже проснулась. Но беда в том, что сны застают нас безоружными.

Боясь сказать что-нибудь не то, я просто кивнула.

– Хочешь… поговорить об этом? – Он имел в виду не себя и не маму. Он имел в виду психотерапевта. Вроде Коллин. Но людей, желающих проникнуть в мою голову, и так больше чем достаточно.

– Нет. На самом деле, я в порядке.

– Уверена?

– Да, – я снова кивнула.

По его глазам я видела, что он хотел бы поверить, но не верит, и мое сердце сжалось. Дед часто говорил, что врать легко, а верить трудно. Ты можешь заслужить доверие людей и даже их веру в тебя. Но стоит возникнуть сомнениям, и вернуть доверие будет все труднее. Вот уже четыре с половиной года, с тех пор, как я стала Хранителем, я только и делаю, что пытаюсь завоевать доверие родителей, но вижу, как сомнения все больше подтачивают его. Дед сравнивал сомнения с течением реки, против которого ты плывешь, теряя силы.

– Ну, если ты вдруг передумаешь… – сказал папа, поднимаясь.

– Я дам тебе знать, – пообещала я, глядя, как он уходит.

Он прав, я должна с кем-нибудь поговорить. Но не с Коллин. Я прислушалась к звуку удаляющихся шагов за дверью. Он вернулся в родительскую спальню, откуда донеслось бормотание матери. Я дождалась, когда вся квартира погрузится в темноту и тишину, и лишь удостоверившись, что они уснули, я встала, оделась и выскользнула из дома.

* * *

Я зашла в Архив, и меня охватила дрожь. На мои сны повлияло не только недавнее нападение Оуэна и Кармен. Архив тоже изменился. Здесь всегда царила тишина, но если раньше она внушала умиротворение, то сейчас это было звенящее, напряженное безмолвие, отягощенное настороженными взглядами и смолкающими на полуслове голосами.

Массивные двери приемной стояли распахнутыми настежь, словно крылья бабочки. Их охраняли два новых стражника, одетых во все черное, и стоявших по обе стороны. Само их присутствие казалось чем-то неуместным и отталкивающим. Двери теперь всегда держали открытыми, чтобы стражники могли видеть, что происходит в Атриуме и в залах, и в случае чего могли беспрепятственно туда войти. Стражники, как и все, кто работает в стенах

Архива, – это те же Истории. Но в отличие от Библиотекарей, они не носили при себе золотых ключей, да и не похоже, чтобы стражники находились в полном сознании. По словам Роланда, их расставили в каждой Архивной ветке в его ведении, и тут он ничего не может поделать. Приказ об увеличении охраны исходил сверху. Я предположила, что это инициатива Агаты. Она – эксперт, с ней мы в последний раз виделись на допросе, однако я постоянно ощущала здесь ее незримое присутствие. Так же неотвязно, как чувствовала внимание Оуэна.

Нововведение явно тяготило Роланда. Да и остальных работников Архива, насколько я могла судить, это тоже не радовало. Библиотекари не привыкли работать под неусыпным надзором. Агата объяснила свое решение мерами предосторожности на случай появления еще одного «Оуэна», но подразумевалось, что и на случай появления еще одной «Кармен». Одно дело, когда предает тот, кто и так известен своей вероломностью, и совсем другое дело, когда предателем оказывается верный слуга.

Стражники проводили меня взглядом, когда я прошла в приемную. Я заставила себя не смотреть на них – не хотелось, чтобы они видели, что у меня от них мурашки по коже. Поэтому я смотрела туда, где стоял стол, за которым работала Лиза. Увидев ее коротко стриженные черные волосы и зеленые очки в роговой оправе, я испытала облегчение. Последнее время это стало своего рода игрой: каждый раз заходя в Архив, я гадала, что меня ждет: спокойный взгляд серых глаз Роланда, осторожная улыбка Лизы или недовольное лицо Патрика? Или же сама Агата?

Но сегодня ночью мне повезло встретить Лизу. Она сидела, низко склонив голову над Архивным фолиантом. Меня так и распирало любопытство подсмотреть, кому она пишет. В фолианте, который всегда лежит на столе в приемной, отведена отдельная страница для каждого Хранителя и каждого члена Отряда. Так что я – всего лишь страница увесистой старой книги. Толщина фолианта напоминает мне, что я не одна, хотя довольно часто чувствую себя одинокой. Кроме того, моя страница напрямую связана с Архивным списком, который я ношу в кармане.

Лиза прекратила писать и смерила меня долгим взглядом, наверняка заметив мой усталый вид. Она настороженно посмотрела на стражников за моей спиной и лишь затем снова на меня. Кивнув, она сказала:

– Он в Атриуме, в дальнем конце.

Я мысленно поблагодарила ее за то, что она не заставила меня рассказывать о цели своего визита перед стражниками, которые хоть и выглядели точно каменные изваяния, но, несомненно, все слышали и видели, а затем докладывали Агате.

Я прошептала «спасибо» и, обогнув стол, прошла через арку в Атриум. Огромный главный зал со стеклянным потолком-куполом и витражами напоминал храм, только здесь вместо скамей стояли ряды полок. Отсюда во все стороны отходили десять залов, словно спицы от ступицы.

Я молча пересекла огромный холл и нашла Роланда между двумя рядами полок. Его красные кеды ярким пятном выделялись на тусклом полу. Он стоял спиной ко мне и, склонив голову, просматривал какую-то папку. Его спина выглядела напряженной, а судя по тому, как он неподвижно замер, я поняла, что он не читает, а смотрит сквозь страницы в глубокой задумчивости.

За четыре с половиной года, с тех пор, как дед предложил мою кандидатуру на свое место, а Роланд меня принял, я успела изучить его манеры и настроение. Прежде его никогда не менявшийся облик дарил мне успокоение, а сейчас напоминал, кто он такой на самом деле. Архив говорил нам, что Библиотекари не меняются и не стареют, пока служат здесь – такова, мол, награда за их услуги, за потраченное время. Еще совсем недавно я верила в эти байки, пока Кармен не открыла мне правду: Роланд, как и остальные Библиотекари, пришли сюда не из Внешнего мира. Их достали с архивных полок, потому что все они – Истории, бывшие Хранители или члены Отряда. Их разбудили, и теперь они продолжают служить Архиву. Мне до сих пор трудно поверить, что Роланд мертв.

– Мисс Бишоп? – произнес он, не оглядываясь. – Ты должна быть в постели. – Он говорил тихо, но даже в его шепоте я слышала переливы его звучного голоса. Он закрыл папку и повернулся ко мне. Взглянув на меня, он нахмурился.

– Так все еще не можешь спать?

Я пожала плечами.

– Может, я пришла, чтобы рассказать тебе о своем первом дне в школе.

Он прижал папку к груди.

– Ну, и как все прошло? Узнала что-нибудь полезное?

– Я узнала, что там же учится и Уэсли Айерс.

– Я думал, ты это и так знала.

– Да, но… – я зевнула.

– Как давно это у тебя, Маккензи?

– Как давно что?

– Как давно ты не спишь, – спросил он. – Не спишь нормально.

Запустив руку в волосы, я стала подсчитывать, сколько времени прошло с тех, пор как Оуэн, бывший при жизни членом Отряда, обманул меня, украл мой ключ и отправил меня на Возврат. Затем пырнул ножом Уэсли, попытался убить меня и с помощью Библиотекаря едва не обрушил целую ветвь Архива.

– Три недели, пять дней, семнадцать часов.

– С тех пор как Оуэн… – догадался Роланд.

Я кивнула и повторила:

– С тех пор, как Оуэн.

– Это бросается в глаза.

Я поморщилась. Я старалась изо всех сил, но он прав. Я это знала. И если он это заметил, то и Агата, возможно, тоже. У меня началась мигрень. Запрокинув голову, Роланд посмотрел на витражное стекло, украшавшее верхнюю часть стен и потолок.

В Архиве, освещенном каким-то невидимым источником света, всегда светло. Смена дня и ночи, света и темноты за окнами – не более, чем иллюзия. Попытка создать видимость движения в абсолютно неподвижном мире. Сейчас за окнами сгустилась тьма. Роланд отвел взгляд и посмотрел на меня:

– У нас есть немного времени.

– Для чего? – спросила я, гадая, уж не видит ли он в непроглядной тьме за окном то, чего не видно мне. Но Роланд уже двинулся вперед.

– Следуй за мной.

Глава восьмая

Мне тринадцать лет. Избитая в кровь, я сижу, скрестив ноги, на столе в абсолютно чистом, даже стерильном помещении. Еще и шести месяцев не прошло, как меня назначили Хранителем, а это уже не первый раз, когда я оказываюсь в медицинском крыле Архива. Роланд стоит в стороне со сложенными на груди руками, пока Патрик готовит холодный компресс.

– Он был больше меня в два раза, – оправдываюсь я, прижимая окровавленный платок к носу.

– Как и все остальные? – язвит Патрик. Он работает в этой ветке всего пару недель, и я ему очень не нравлюсь.

– Ты не помогаешь, – упрекает его Роланд.

– А мне казалось, что именно это я и делаю, – огрызается Патрик. – Помогаю. Ты попросил об услуге, и вот я здесь, чтобы подлатать твою любимицу.

Сквозь платок я пробормотала ругательство – их я немало нахваталась у деда. Патрик не разобрал моих слов, зато Роланд, очевидно, расслышал, судя по тому, как удивленно он поднял бровь.

– Мисс Бишоп, – говорит он, обращаясь к Патрику, – одна из наших самых многообещающих Хранителей. Ее бы здесь не было, если бы Совет за нее не проголосовал.

Патрик смотрит на Роланда тяжелым взглядом.

– Они за нее проголосовали или ты?

– Думаю, стоит напомнить тебе, с кем ты разговариваешь, – прищуривается Роланд.

Патрик коротко выдыхает, будто выпускает пар, и поворачивается ко мне. Выдернув платок из моих рук, он осматривает мой ушиб поверх очков, которые спустил на кончик носа. К ссадине на лице он прикладывает холодный компресс, прижимая его моей рукой. Мне адски больно, но я стараюсь не подавать виду.

– Тебе повезло, что нос не сломан, – говорит он, стягивая резиновые перчатки.

– Наша девочка, – подмигивает Роланд. – Сделана из стали.

Под пакетом со льдом мои губы слабо улыбаются. Мне нравится эта мысль – быть девочкой из стали.

– Твердолобая, – вставляет Патрик. – Держи лед и постарайся больше не схлопотать по лицу.

– Постараюсь, – обещаю я. Слова звучат глухо из-под компресса. Но это так забавно.

Роланд усмехается. Я наблюдаю, как Патрик собирает свои вещи и выходит, бормоча что-то под нос. Я улавливаю лишь «никчемная».

– История замахнулась на тебя, а ты подняла руки, чтобы закрыть лицо, – небрежно говорит Роланд. – Верно?

Опустив глаза, я киваю. Мне следовало лучше подготовиться. Дед хорошо меня учил, но на деле все было совсем иначе, чем во время тренировок. И я оказалась

не готова. Дед говорил, что нужные движения должны стать рефлекторными, а не выученными, и теперь я понимала, почему. Времени на размышления не оставалось, надо было действовать. Реагировать. Я подняла руки, История ударила по ним кулаком, и получилось, что я сама ударила себя по лицу. К щекам прилила жаркая волна, даже несмотря на холодный компресс.

– Спрыгивай, – говорит Роланд, выпрямляя руки. – И покажи мне, что ты делала.

Я слезаю со стола, отложив пакет со льдом. Он делает выпад – его движения медленные словно патока. Я поднимаю руки, скрещенные в запястьях. Его кулак останавливается в дюйме от меня. Роланд смотрит на меня сверху вниз.

– Ты не знаешь, как занять правильную позицию для удара, и позицию, чтобы принять удар. Если ты остановишься, это будет самой большой ошибкой в драке. Когда кто-то атакует, он создает силу и движение, но тебя не одолеть, пока ты понимаешь и чувствуешь направление этой силы и двигаешься вместе с ней. – Он крепче сжимает кулак и отклоняется чуть в сторону и вперед. Я перемещаюсь в ту же сторону и назад. И его кулак проходит мимо. Роланд одобрительно кивает. – Вот так-то. А сейчас лучше опять приложи лед к лицу.

Из коридора доносятся шаги. Роланд бросает взгляд на дверь.

– Мне пора, – говорю я и прихватываю с собой пакет со льдом. Но подойдя к двери, я останавливаюсь и спрашиваю:

– Ты жалеешь об этом? О том, что проголосовал за меня?

Роланд стоит, сложив руки на груди.

– Вовсе нет, – отвечает он с улыбкой. – С тобой здесь стало определенно интереснее.

* * *

– Куда мы идем? – спросила я тихо.

Не отвечая на мой вопрос, Роланд провел меня через весь шестой зал, уходящий в сторону от Атриума. Архив – это гигантская сеть холлов, залов и переходов. Одни помещения ответвляются, другие – пересекаются в неизвестном порядке, который, похоже, понятен только Библиотекарям. Всякий раз, когда я следую за кем-то из них по архивным лабиринтам, изо всех сил стараюсь запомнит путь и считаю повороты. Но сегодня Роланд не повел меня извилистым маршрутом через многочисленные комнаты и коридоры. Он шел прямо в конец очень длинного коридора. Миновав ряд дверей, мы оказались в тускло освещенном коротком коридорчике. Роланд помедлил, оглянулся и прислушался, видимо, проверяя, одни ли мы.

– Где мы? – спросила я, когда убедилась, что кроме нас тут никого нет.

– В комнатах Библиотекарей, – ответил он и снова пошел вперед. Дойдя до середины коридора, он остановился у обычной двери темного дерева. – Нам сюда.

Мы вошли в уютную маленькую комнату с блеклыми обоями в полоску. Обстановка здесь была довольно скудная: кушетка, кожаное кресло с низкой спинкой, письменный стол. Из приемника на стене лилась тихая классическая музыка. Роланд двигался так, что было понятно – здесь ему знаком каждый дюйм.

Он подошел к столу, рассеянно бросил в выдвижной ящик папку, которую принес с собой, затем достал из кармана какой-то блестящий предмет. Большим пальцем провел по его поверхности и положил на стол. В этом коротком жесте читались и усталость, и трепет, и нежность. Когда он убрал руку, я увидела, что это серебряные карманные часы, причем старинные. Глядя на них, я почувствовала, что мое сердце забилось чаще. В Архив попадают только те вещи, которые были с человеком в момент его смерти. Так что он либо взял их у какой-нибудь Истории, либо они попали сюда вместе с ним.

– Они больше не работают, – произнес Роланд, почувствовав мой интерес. – Здесь не работают. – Он указал на кушетку. – Садись.

Я опустилась на мягкую подушку и погладила аккуратно сложенное черное одеяло.

– Я не знала, что тебе нужно спать, – призналась я, испытывая неловкость. Я никак не могла привыкнуть к мысли, что он… не живой.

– Потребность – странная вещь, – сказал он, закатывая рукава. – Физические потребности дают ощущение, что ты – человек. Без них тебе трудно это почувствовать. Я не сплю, нет, но я отдыхаю. Делаю вид, что сплю. Это дает, скорее, психологическое облегчение, чем физическое. А теперь попытайся немного поспать.

Я покачала головой, хотя мне нестерпимо хотелось лечь.

– Не могу, – тихо сказала я. Роланд опустился в кожаное кресло. Его золотой архивный ключ блестел поверх рубашки. Ключи Хранителей отпирают двери в Коридоры; ключи Отряда открывают короткие ходы во Внешнем мире. Архивные ключи включают и выключают Истории, словно это машины, а не люди. Я задумалась, каково это – отключить жизнь простым поворотом ключа. Я помнила, как Кармен пыталась сделать это со мной. Помнила колкое онемение, охватившее мою руку, когда я вцепилась в ее ключ.

– Мисс Бишоп, – голос Роланда вывел меня из раздумий. – Ты должна попытаться.

– Я не верю в призраков, Роланд. Но, похоже, он преследует меня. Всякий раз, стоит мне закрыть глаза, он тут как тут.

– Его больше нет, – напомнил Роланд.

– Ты уверен? – прошептала я, вспоминая страх и боль, которыми неизменно заканчивались мои ночные кошмары. – Такое ощущение, будто он вонзил когти мне в голову и не отпускает. Я вижу его, когда закрываю глаза, и он выглядит таким реальным… Мне кажется, что когда я проснусь, он все еще будет рядом.

– Ну, – сказал Роланд, – ты спи, а я буду за ним следить.

Я невесело рассмеялась, но ложиться не стала. Мне надо было рассказать ему о своих отключках. Было бы намного проще вообще ничего не говорить – он и так тревожился, а это даст ему новый повод для беспокойства – но мне надо было

знать, не схожу ли я с ума. Сама я, учитывая мои провалы в памяти и ночные кошмары, вряд ли могу судить здраво.

– Сегодня случилось кое-что еще, – произнесла я тихо. – В Коридорах.

Роланд сцепил пальцы.

– Рассказывай.

– У меня… у меня выпал промежуток времени.

Роланд подался вперед.

– Что ты имеешь в виду?

– Я преследовала Историю и… как будто потеряла сознание. – Я покрутила больным запястьем. – Только что я находилась в одном месте, а в следующую секунду уже в другом, и только позже смогла вспомнить, как там очутилась. Это как дыра в памяти. Правда потом, когда я успокоилась, воспоминания вернулись.

Я не стала уточнять, какими смутными были эти воспоминания и каких неимоверных усилий стоило мне их восстановить. Серые глаза Роланда потемнели.

– Это случилось в первый раз?

Я опустила глаза и уставилась в пол.

– Сколько раз такое происходило? – спросил он.

– Дважды. Первый раз – пару недель назад.

– Ты должна была сказать мне.

Я посмотрела на него.

– Я не думала, что это снова повторится.

Роланд поднялся с кресла и начал расхаживать по комнате. Он мог бы уверять меня, что все будет в порядке, но не стал тратить время на лживые утешения. Плохие сны – это одно. А отключки на работе – совсем другое. Мы оба знали, что случается со служителем Архива, если его признают негодным. Здесь нет такого понятия, как отпуск. Я посмотрела на светло-бежевый потолок.

– Сколько Хранителей сошло с ума? – спросила я.

Роланд покачал головой.

– Ты не сходишь с ума, Маккензи.

Я недоверчиво взглянула на него.

– Тебе столько всего пришлось пережить. Остаточная травма и сильная усталость вместе с притоком адреналина вызывают что-то вроде отключки. Это вполне допустимая реакция.

– Мне все равно, допустимо это или нет. Как я могу быть уверена, что это не повторится?

– Тебе нужен отдых. Тебе надо поспать, – сказал он, опускаясь в кресло. Но в его голосе проскользнула нотка отчаяния. В серых глазах застыла тревога. Когда Агата впервые вызвала меня, чтобы дать оценку, в них тоже сквозило беспокойство, но не такое, какое сейчас испытывал Роланд. – Пожалуйста, постарайся.

Я помедлила, но в конце концов кивнула и скинула туфли. Свернувшись на кушетке, я положила голову на сложенное одеяло. Я хотела рассказать ему еще о том, что за мной следят, но так и не решилась.

– Теперь ты жалеешь? – спросила я. – Что проголосовал за меня?

Он шевельнул губами, но слов я не расслышала, потому что почти сразу погрузилась в сон.

* * *

Когда я проснулась, в комнате никого не было. В первый момент я не могла понять, где нахожусь и как сюда попала. Но затем услышала тихую классическую музыку из приемника на стене и вспомнила, что я в Архиве, в комнате Роланда.

Я поморгала, стряхивая сон. К моему удивлению, мне не пришлось, как обычно, вырываться из цепких лап ночных кошмаров. Потому что их не было. Мне ничего не снилось. Впервые за все эти дни. Даже недели. Я коротко беззвучно рассмеялась. Какое же это облегчение – несколько часов сна без Оуэна и его ножа!

Я свернула одеяло, которое дал мне Роланд, и положила его на край кушетки. Затем встала и выключила музыку и неслышно прошла через комнату, похожую на келью. За приоткрытой дверью стенного шкафа я обнаружила неплохой гардероб: брюки, свитера, рубашки на пуговицах. Роланд сам себе устанавливал дресс-код. Я оглянулась в поисках часов, хотя знала, что их тут нет. Взгляд упал на серебряные карманные часы, которые до сих пор лежали на столе. Они не работали, но я все равно протянула к ним руку, и тут мое внимание привлек один из выдвижных ящиков стола. Он был задвинут неплотно. В щель я увидела блеск металла. Тогда я взялась обеими руками за деревянный ящик и с тихим шорохом открыла его. Внутри я нашла две старые серебряные монеты и записную книжку, размером с мою ладонь, не больше. Не удержавшись, я достала ее. Уголки страниц пожелтели и стали хрупкими. Под обложкой, внизу я обнаружила дату, написанную изящным почерком: «1819».

Записи на нескольких следующих страницах были сделаны очень мелким почерком и слишком давно, так что не прочесть. Строки перемежались с карандашными набросками. Каменный фасад. Река. Какая-то женщина. Под ее портретом было аккуратно выведено имя: «Эвелин». И тут под моими пальцами книжка, полная воспоминаний, заговорила. Я не смогла вернуть ее на место. Роланд всегда был загадкой. Он вечно избегал разговоров о жизни, которую вел во Внешнем мире и оставил ради службы в Архиве, и о том, к кому вернется потом. Сейчас я знала, что он вовсе не оставлял свою жизнь и никогда ни к кому

не вернется.

Вопрос «Кто такой Роланд?» теперь звучал: «Кем он был?». Не в силах остановиться, я закрыла глаза и ухватилась за нить воспоминаний. И время повернулось вспять. Оно отматывалось назад, пока я не увидела ночной проулок и расплывчатый силуэт молодого Роланда. Он стоял под мерцающим светом фонаря. В одной руке он держал записную книжку, прижимая страницу большим пальцем, другой – огрызком карандаша штриховал волосы женщины. Он рисовал, и проступали буквы. Имя. Затем он закрыл блокнот, сверился с карманными часами. С внутренней стороны запястья словно тени тянулись три линии – знак Отряда.

Но тут я услышала голоса и выпустила нить воспоминаний. Я успела убрать записную книжку в ящик стола, когда дверь протяжно скрипнула, словно на нее навалились всем весом, но не открылась. Я задвинула ящик, отошла от стола и, затаив дыхание, остановилась у порога. Приложив ухо к двери, я услышала мелодичный голос Роланда. По спокойной, размеренной интонации я узнала его собеседника – Лизу. Я поняла, что они говорят обо мне и напряглось.

– Нет, – сказал он тихо, – я понимаю, что это не выход. Но ей просто нужно время. И отдых. Ей через многое пришлось пройти.

Снова бормотание.

– Нет, – ответил Роланд. – До этого еще не дошло. И не дойдет.

Он повторил:

– Я знаю, знаю, – и я заставила себя отойти от двери. Когда Роланд вошел в комнату, я сидела на полу и шнуровала ботинки.

– Мисс Бишоп, – обратился он ко мне, – как ты себя чувствуешь?

– Как будто заново родилась, – ответила я, поднимаясь на ноги. – Долго я спала?

– Четыре часа.

Каких-то четыре часа, а мне хочется петь. А сколько бы во мне было энергии после восьми часов полноценного сна?

– Удивительно, – сказала я. – Все совсем по-другому, когда мне не снится Оуэн.

Роланд скрестил руки и опустил глаза.

– Ты могла бы освободиться от него навсегда, – взгляд его серых глаз скользнул вверх. – Ты не обязана жить с этим бременем. Ни к чему постоянное напоминание о том, что тебе довелось испытать. Есть ведь варианты. Форматирование…

– Нет, – отрезала я. Под форматированием подразумевалось, что Архив сотрет мои воспоминания. И тогда жизнь будет полна пробелов. Я подумала об Уэсли, потерявшем целый день своей жизни, и о его Великой тете Джоан. Когда та ушла на пенсию, ее лишили воспоминаний о целых годах жизни – просто из предосторожности.

– Мисс Бишоп, – произнес Роланд, заметив мое отвращение, – форматированию подвергают не только тех, кто уходит на пенсию, или тех, кого надо держать в неведении.

– Да-да, еще и тех, кого признают непригодным…

Роланд возразил:

– Иногда люди хотят забыть только что-то плохое.

– Только плохое? – усомнилась я. – Роланд, все воспоминания перемешаны. Ведь в этом весь смысл! Жизнь хаотична. И я говорю «нет». – Я не верила, что они выберут лишь те воспоминания, которые мне захочется стереть. А если бы и верила, то это выглядело бы как бегство. А мне нужно помнить. – Мы уже об этом говорили.

– Да, говорили, но тогда тебя всего лишь мучили плохие сны. Но если у тебя снова начнутся отключки…

– Тогда мы с этим разберемся, – перебила я, давая понять, что разговор окончен.

Роланд поник, его руки повисли как плети.

– Хорошо. – Он взял серебряные часы со стола и сунул их обратно в карман. – Пойдем. Я тебя выведу.

Когда я шла за ним, то заметила, что путь остался прежним. В отличие от извилистых, меняющихся коридоров со стеллажами, дорога к комнатам Библиотекарей всегда была прямой.

Роланд проводил меня до приемной, и я поежилась, заметив, что за столом сидит Патрик. Он холодно взглянул на нас из-под очков в черной оправе и поджал губы. Опередив его, Роланд заговорил первым:

– Мне известно, что предшественник мисс Бишоп до своей смерти не успел закончить ее подготовку.

– Скажите на милость, – фыркнул Патрик. – И чего же ей не хватает?

Я недовольно нахмурилась. А кому понравится, когда о тебе говорят так, как будто тебя здесь нет? Никому. И уж тем более если речь идет о твоих недостатках.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Игра слов. По-английски баклажан – eggplant. Egg – яйцо, plant – растение. Прим. переводчика.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shvab_viktoriya/arhiv-klyuchi-ot-vseh-dverey

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить